

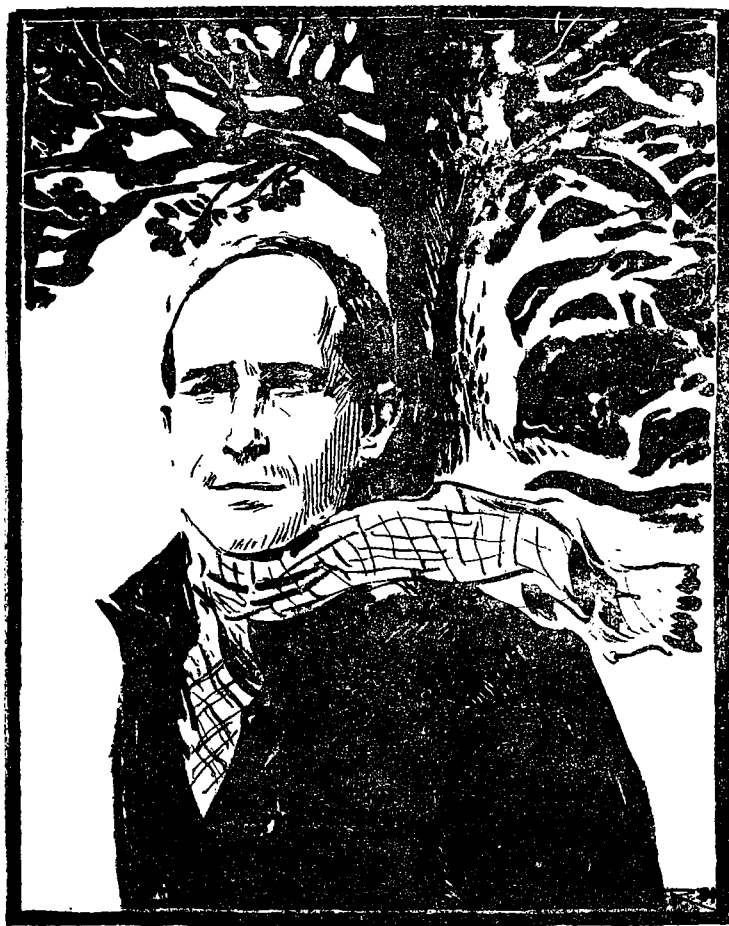

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Стихотворения

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

Н. Рызов

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

АРХАНГЕЛЬСК
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

P2
P82

Вступительная статья, составление и комментарии
В. А. Оботурова

Рубцов Н. М.
P82 Стихотворения [Вступ. ст., сост. и коммент. В. А. Оботурова]. — Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. Волог. отд-ние, 1985. — 191 с., портр. — (Сер. «Рус. Север»).

В книгу вошли избранные произведения русского советского поэта Н. М. Рубцова (1936—1971).

P 4702010200 26—85
M157(03)—85

P2
ББК 84P7

ОГОНЬ ИЗ СЛОВА

Предсказать появление большого таланта в искусстве невозможно. Нам дано, — когда он уже появился, — или заметить его или... проглядеть. Вторая вероятность — вовсе не исключение, и те случаи, когда талант художника открывается миру в полной мере лишь спустя десятилетия после кончины — не редкость.

Удивительно ли, если талант не всегда являет себя фигурой заметной, ростом с «коломенскую версту», если он не хочет рядиться и вылезать перед публикой на трибуну. Так ведь и в Маяковском разглядели сначала рост да желтую кофту, бас слышали, а что вещал миру этот бас — то поняли далеко не сразу. Что уж говорить о тех, кто неприметен внешне, напористостью от природы не наделен...

Только душевные чаяния современников, их ожидания, порою толком и не осознанные, — лишь они побуждают с надеждой вглядываться в бескрайнее море современной поэзии. По словам Глеба Горбовского, Николай Рубцов — поэт долгожданный. ...Неожиданный поэт. Он пришел к нам в пору господства «эстрадной поэзии», но, разумеется, не для того, чтобы открыть людям глаза на тщету эстрадности, доказать ее несостоятельность.

Такая цель была бы слишком мизерной и утилитарной, тем более — доказывать чего бы то ни было Н. Рубцов в зрелости вовсе не хотел. Его сверхзадача в поэзии, которую он чувствовал всем существом своим и которая теперь осознается нами, значительнее: протянуть живую связующую нить от классической русской поэзии к сегодняшнему дню, чтобы помочь современному человеку обрести взаимопонимание, счастье, покой, уверенность в будущем.

Голоса поэтов-предшественников слышны в лирике Николая Рубцова отчетливо и определенно: это Тютчев и Фет, Некрасов, Полонский и Бунин, Блок и Есенин, наконец Твардовский и Яшин. Они не заслонили его лица, напротив, — рядом с ними Рубцов нашел свою самобытность как поэт 60—70-х годов двадцатого столетия. Эта истинная и глубинная самобытность не имеет ничего общего с дешевой оригинальностью, встречающейся, к сожалению, гораздо чаще.

Николай Рубцов успел издать при жизни всего-навсего четыре небольших сборника. Заметьте, все вместе они дали сорок три тысячи тиража, — а ведь не затерялись, тогда как в нашей огромной стране в необозримой читательской массе наглухо пропадают авторы и с тиражами книг в сотни тысяч экземпляров. Рубцова читатели нашли сразу, потому что *ждали* его, — и теперь уже идут

к ним книжка за книжкой (после смерти поэта вышло восемнадцать его сборников общим тиражом, превышающим два миллиона экземпляров).

Николай Рубцов прожил коротко, не успев не только опубликовать, но даже записать все свои стихи. Но сегодня уже очевидно, что поэзия Рубцова не подлежит забвению; она принадлежит будущему. Подтверждение тому — значительный интерес читателей к биографии и личности поэта. Вышли первые книги о нем. А сколько их еще впереди: сборников воспоминаний, монографий, диссертаций...

* * *

Николай Михайлович Рубцов родился 3 января 1936 года в поселке Емецк Архангельской области, а вскоре его родители переехали в Тотемский район Вологодской области. Сам он знал о своих родителях очень немного, рано лишившись их: «Мать умерла. Отец ушел на фронт...» («Детство»), и с 1942 года Николай воспитывался в детдоме.

С тех пор и навсегда, во многом определяя характер лирики поэта, затаится и застоится на дне сиротской души боль невосполнимой утраты.

Сижу среди своих стихов,
Бумаг и хлама.
А где-то есть во мгле снегов
Могила мамы...

«Памяти матери»

Село Никольское на реке Толшме, близ Тотьмы, в краю необозримых лесов и болот, стало родиной поэта. Здесь он окончил семилетку, начал учиться в лесотехническом техникуме, но без особой охоты. Юношу звала мечта о море, и с получением паспорта он пускается на поиски своей судьбы.

Не сразу, но Рубцов сумел попасть в Архангельск на рыболовецкое судно кочегаром. Позже он некоторое время учился в горном техникуме в Кировске, побывал в Ташкенте и других городах. С начала 1955 года Николай Рубцов уже в Ленинграде, он — рабочий.

Вскоре началась срочная служба на Северном флоте — четыре года в личном составе эскадренного миноносца. Здесь-то неожиданно и получает поддержку давний интерес Рубцова к поэзии: начинающий поэт оказывается в родственной среде — он приходит во флотское литобъединение, сложившееся в 1957 году.

Вместе с Рубцовым служили и начинали творческий путь известные ныне писатели Борис Романов (Мурманск), Валентин Сафонов (Рязань). К этому времени относятся и первые публикации молодого поэта.

«Служба и творчество шли, говоря по-флотски, параллельными курсами. — вспоминает те времена писатель Валентин Сафонов. — Нас никто не освобождал от вахт, от выходов в море, от исполнения нелегких моряцких обязанностей». А в то же время готовились газетные полосы, силами литобъединения создано несколько выпусков альманаха «Полярное сияние». В этом альманахе так же, как в газете «На страже Заполярья» и в журнале «Советский воин», публиковались и стихи Н. Рубцова.

Молодой поэт много читает в эти годы, напряженно думает о будущем, вспоминает прожитые годы. «Ночами часто предаюсь воспоминаниям, — писал Николай в письме В. Сафонову, отслужившему раньше. — И очень в такие минуты хочется вырваться на простор, поехать куда-нибудь, посмотреть на давно знакомые памятные места, послоняться по голубичным болотам да по земляничным полявам или посидеть ночью в лесу у костра и наблюдать, как черные тени, падающие от деревьев, передвигаются вокруг костра, словно какие-то таинственные существа...»

В другом письме он признается: «...все чаще... задумываюсь, каким делом заняться в жизни».

Старшиной второй статьи демобилизовался Николай Рубцов с флота. Вернувшись в Ленинград, он работает на знаменитом Кировском заводе — кочегаром, слесарем, шихтовщиком. Здесь, при заводской многотиражке «Кировец», тоже существовало литературное объединение, силами участников которого был подготовлен сборник «Первая плавка», — в нем появилось и пять стихотворений Н. Рубцова. Печатался он и в газете «Вечерний Ленинград».

Одновременно молодой поэт посещал занятия литературного объединения «Нарвская застава», бывал участником литературных вечеров. Был он знаком в ту пору с Игорем Михайловым, близок с Глебом Горбовским. Вместе с другом, участником «Нарвской заставы», Борисом Тайгиным в июне-июле 1962 года Н. Рубцов подготовил машинописный сборник своих стихов «Волны и скалы». То была первая попытка подвести некоторые итоги ученичества в поэзии.

Увлечение поэзией пробудило мечту Н. Рубцова о Литературном институте. Летом 1962 года он, окончив вечернюю школу, сдал экзамен на аттестат зрелости, а осенью стал студентом: мечты, наконец, сбывались...

* * *

Теперь, наверное, и пришла пора сказать о ранних стихотворениях Николая Рубцова. Кое-какой опыт был у него со школьных лет, но говорить об устойчивых навыках поэтической работы в ту пору, когда он пришел служить на флот, не приходится. Стихи молодого поэта не отличаются большим своеобразием. Отражается в них повседневность матросской службы с выходами в дозор, учебными атаками, мечтами об отпуске и встрече с близкими («Утро на море», «Морская служба», «В дозоре», «Возвращение», «Учебная атака», «Море»). Написаны стихи «как надо» — дисциплинированно. Но я бы не сказал, что созданы они по приказу, что ли, — в них выразилось вполне искреннее единство молодого стихотворца с друзьями по литобъединению — в понимании поэзии и с товарищами по службе — в понимании воинского долга.

Отношение к поэзии определилось поначалу как к делу «прикладному», должному служить целям воинской подготовки. Между тем уже по ранним стихотворным опытам видно, что Н. Рубцов умеет улавливать интересные детали, находить свежие образы, динамически передать развитие событий, подбирая необходимо точный интонационный ключ. Порою молодой поэт схематичен, не всегда справляется с композицией, грешит дидактикой. Однако слово он хорошо чувствует, умеет строить фразу, добиться интонационной точности строки, учится находить соответствие картины и построения.

Едва ли не большую роль в творческом становлении Н. Рубцова сыграли стихотворные опыты совсем иного плана. Эти стихи откровенно субъективистские, в которых молодой поэт всецело отдается своим настроениям, чаще всего невеселым, отчаянным, злым. Цикл таких стихов создан Рубцовым в отпускную пору осенью 1957 года в Приютине под Ленинградом.

Стихи такого рода он писал иногда и после службы на флоте, живя в Ленинграде. Молодой поэт выплескивал свою душу в строки, желая, кажется, добиться только полного совпадения переживания и слова, — и во многом достигал своей цели.

Напряженность душевной жизни поэта отражают его стихотворения «Утро утраты», «Не пришла», «Соловьи» — в них Н. Рубцов уже овладевает стихией настроений. Цикл «Звукописные миниатюры» открывает творческую лабораторию молодого поэта, — поиск образа в единстве звука и слова. Примером могут служить стихотворения «Левитан» и «Старый конь», которые поэт опубликовал еще при жизни, избавив их от излишней «звукописности». Необычно в своей «геометрической» образности стихотворение Н. Рубцова «Утро перед экзаменом» (1960), а «В кочегарке» — опыт своего рода «производственных» стихов.

Подобные стихотворения индивидуальны каждое в своем роде, и Николай Рубцов не стремится без конца использовать однажды найденный прием. Постепенно очерчивается круг интересов поэта, выявляются излюбленные приемы в их внутренней, содержательной осмысленности. Начинает складываться собственный поэтический мир Николая Рубцова в его органичной многомерности и полнотезвучии.

Обращаясь теперь к флотским впечатлениям (главным образом периода работы на рыболовецком траулере), Н. Рубцов гораздо разнообразнее, чем раньше, в выборе тем, в изображении картин и передаче настроений. Он умеет показать азарт труда, передать настроение работающего рыбака, с усиленным вниманием присматривается к сценам берегового быта. «В океане», «Хороший улов», «Старомы ждут своих матросов» — эти стихотворения теперь хорошо известны читателям.

Пытается Н. Рубцов также набросать зарисовку в стихах о деревенском мужичке — «Лесной хуторок» (так первоначально называлось стихотворение «Добрый Филя»). Находят отражение в его стихах и полузабытые деревенские впечатления («Я забыл, как лошади запрягают...», «Эхо прошлого», «На гулянии»).

Кажется, будто он вполне усвоил тот сторонний взгляд на деревню, который характерен для «среднего» горожанина. Взгляд, в сущности, насмешливо-снисходительный, лишенный реального понимания явлений. Связывающие с миром северной деревни, из которого поэт вышел, стихи в сборнике «Волны и скалы» он объединил в цикл «Долина детства», открыв его одноименным стихотворением, видимо, считая его особо важным для себя. Эти стихи — первые подходы Н. Рубцова к теме, которая станет главной в его творчестве.

Постепенно тема скитаний отошла на второй план как лишь одна из многих составляющих жизни и размышлений о ней; поэт искал родину в стихах, а нашел он ее в своей жизни. Впрочем, припомним, — и раньше образ родины возникал в искренних и цельных стихотворениях Рубцова: «Деревенские ночи» (1953), «Первый снег» (1955), «Березы» (1957):

Все люблю без памяти

в деревенском стане я,
Будоражат сердце мне в сумерках полей
Крики перепелок, дальних звезд мерцание,
Ржание стреноженных молодых коней...

«Деревенские ночи»

* * *

К началу 60-х годов восприятие поэтом родины обогащается историческим чувством, которое отчетливо звучит уже в стихотворении «Видения в долине» (1960). Да, это ныне хрестоматийное стихотворение «Видения на холме», лишь избавленное поэтом от красоты и многословия в стремлении высветить сквозную мысль о родине, ее тревожных судьбах. «Россия, Русь! Храни себя, храни!» — эти пронзительные строки воспринимаются сегодня как эпиграф ко всему творчеству, ко всей жизни Рубцова.

Уже к лету 1962 года, когда составлялся машинописный сборник «Волны и скалы», Николай Рубцов вполне отдавал себе отчет в том, что стоят и значат те или иные его стихотворения, умел их четко разграничить. «Кое-что в сборнике (например, некоторые стихи из цикла «Ах, что я делаю?»), — отмечал он в предисловии, — слишком субъективно. Это кое-что интересно для меня как память о том, что у меня в жизни было. Это стихи момента...» Как видим, самооценка здесь очень верна и определена, — так же и в других случаях.

От русской деревни, близкой с детства, Николай Рубцов ушел к широкому океанским просторам, в тесноту городов с пестротой их быта, чтобы снова вернуться к сельщине и оттуда увидеть, с учетом всего своего опыта, весь мир и человека в нем.

В беспокойной жизни своей поэт обрел не только живую чуткую душу, — а ей были доступны «звуки, которых не слышит никто», — но и чувство истории и чувство пути. Без этих качеств истинного поэта не бывает. Обрел он их не сразу, в настойчивом поиске своей индивидуальности, в упорном отстаивании своей самобытности.

Так, спустя примерно год, подготавливая для издательства свою первую книгу, в справке «Коротко о себе» Н. Рубцов проникательно замечал: «Давно уже в сельской жизни происходят крупные изменения, но до меня все же докатились последние волны старинной русской самобытности, в которой было много прекрасного, поэтического». Тут заявлен зрелый и свежий взгляд на явления жизни, который широко утвердит себя в литературе гораздо позже.

В Москву Николай Рубцов приехал уже автором таких стихотворений, как «Добрый Филей», «Видения на холме», и вскоре нашел среди московских литераторов круг людей, ему духовно родственных; в их числе — поэты Станислав Куняев, Анатолий Передреев, критик Вадим Кожинов. Однако прошло два года прежде чем стихи Рубцова появились в журналах: самобытность признается и понимается, к сожалению, далеко не сразу.

Особенно заметными были две публикации в журнале «Октябрь», а в 1965 году в Северо-Западном издательстве вышла и первая книжечка. Уже в ней были представлены многие стихотворения, которые теперь переходят из сборника в сборник: «Видения на холме», «Звезда полей», «Русский огонек», «Осенняя песня» и другие.

Нечастое явление в поэзии!.. Уже к этому времени молодой поэт обладал собственным, хорошо поставленным голосом, чувствовал свое место в современной литературе. Книгой, утвердившей имя и репутацию Николая Рубцова, стала «Звезда полей» (1967) — с нею он успешно защитил свой творческий диплом в Литературном институте, получил признание читателей и критики.

Человек по натуре своей беспокойный, не привыкший к оседлости, Рубцов не мог долго жить в Москве. К тому же он переведен на заочное отделение. В конце 1964 года он уже у себя на родине, в селе Никольском. Сказывается неустроенность быта, но он много работает. Примечательно его письмо той поры Сергею Викулову, тогда ответственному секретарю Вологодской писательской организации:

«Все последние дни занимаюсь тем, что пишу повесть (впервые взялся за прозу), а также стихи, вернее, не пишу, а складываю в голову. Вообще я почти никогда не использую ручки и чернила и не имею их. Даже не все чистовики отпечатываю на машинке — так что умру, наверное, с целым сборником, да и большим, стихов, «напечатанных» или «записанных» только в моей беспорядочной голове...»

И в самом деле, сколько их утрачено — стихов, незаписанных и даже записанных...

Через год поэт снова у себя на родине, и, посылая один из своих шедевров — «Осенние этюды» — в районную газету, он пишет другу — журналисту Василию Елесину: «Очень люблю топить печку по вечерам в темной комнате. Ну, а слушать завывание деревенского ветра осенью и зимой — то же, что слушать классическую музыку, например, Чайковского, к которому я ни разу не мог остаться равнодушным». Неприятные слова, но при чтении стихов Рубцова, наверное, могут припомниться.

Даже в родных краях Николай Рубцов живет наездами — бывал он на Рязанщине, в Сибири, на Ветлуге... Ему интересны новые места, но везде помнится отчина. Так, поэту Александру Романову в Вологду в письме с Алтая от 28 июня 1966 года он между прочим пишет: «...сильно временами тоскую здесь по сухонским пароходам и пристаням...»

Местом постоянного жительства стала для Н. Рубцова Вологда. Здесь, общаясь с писателями-земляками: Василием Беловым, Виктором Астафьевым, Ольгой Фокиной, Александром Романовым, Виктором Коротаевым, он много работает, по обыкновению часто уезжает в деревню. В эти годы рождаются новые книги Рубцова: «Душа хранит» (1969), «Сосен шум» (1970), «Зеленые цветы». Эта, последняя, вышла уже посмертно — поэт ушел из жизни тридцати пяти лет в январе 1971 года.

* * *

Читая стихи Николая Рубцова, нетрудно проследить, хотя бы в основных вехах, весь его недолгий жизненный путь, почувствовать постоянный духовный поиск, уловить поэтическое прозрение и судьбы своей. Впрочем, это не удивительно, и, перефразируя слова С. Есенина, можно утверждать своего рода закон лирической поэзии: подробности жизни поэта — всегда в его стихах. Однако интересны стихи для нас не только и не столько этими подробностями, а прежде всего созвучностью мыслей, душевных переживаний и порывов поэта с нашими собственными.

С юности Николай Рубцов будто бы провидел свою судьбу, когда — еще в Ленинграде — написал эти вот свои строгие строки:

Брал человек
Холодный мертвый камень.
По искре высекал
Из камня пламень.
Твоя судьба
Не менее сурова —
Вот так же высекать
Огонь из слова!..

Нелегко дается «труд ума, бессонницей больного», но и «в своей руке сверкающее слово» ощутить вдруг как «молнию ручную» — это действительно щедрая дань «за радость неземную»... Данником поэзии всегда и сознавал себя Николай Рубцов: «Не она от нас зависит, а мы зависим от нее!» — эти строки поэта являются уже прямой перекличкой с Ф. Тютчевым.

Чтение таких стихотворений, как «Ночь на родине», «Тайна», заставит нас остро и глубоко почувствовать любовь поэта к Родине. Н. Рубцов избегает рассудочного толкования своих переживаний — это у него вовсе не умопостижаемое чувство, а какая-то потаенная, неизъяснимая и нерасторжимая связь.

Призрачная таинственность картины, когда собственно и картины-то нет, а есть сердечный трепет плененного красотой родины певца ее, напомним нам романтическую эстетику А. Фета, согласно которой именно те душевные состояния особенно близки поэзии, которые наиболее далеки от рассудочной стороны человеческой души. Ощутима преемственная связь Рубцова с Ф. Тютчевым и Я. Полонским. Подобно Полонскому, Рубцов чаще всего избегает яркого солнца; оба питают пристрастие к полутеням. Обоим ведома тоска одиночества и печаль созерцания бескрайности родных просторов.

Любимые края дороги поэту и в весеннюю пору, когда «высоко над зыбким половодьем без остановки мчатся журавли», и в долгую зиму, когда «снег лежит по всей России, словно радостная весть», и в жаркий день, когда «зной звенит во все свои звонки». Однако осень с ее дождями и ветром, увядание — ближе душе поэта, задевает самые сокровенные струны в ней. Краски он использует сдержанные, нередко позволяя себе писать стихи, так сказать, «в черно-белом исполнении» (как, например, «лошадь белая в поле темном вскинет голову и заржет»; или: «в чистых снегах ледяные полинные воды»). В его лирике преобладает грустная интонация, но ей присуще бесконечное разнообразие вариаций. «Всего прочнее на земле — печаль...», — мог бы повторить Н. Рубцов вслед за Анной Ахматовой. Тем не менее он вовсе не пессимист по натуре, хотя и оптимистической его поэзию я не рискнул бы называть, — просто эти слова в силу своей полярности не способны отразить многообразия возможных типов мироощущения.

Мил Николаю Рубцову образ необозримого русского простора с бескрайностью лесов, болот и полей. Романтической таинственностью полон этот образ, в котором грезится что-то сказочное, призрачное. Впечатление создается не столько пластически, сколько намеком, музыкой, настроением. Поэт идет обычно от немногих реальных примет пейзажа. Ветер, замерзающая вода, пустой сенной сарай под елкой на высоком берегу — и уже не только ширь, но и

глубина картины схвачена, и открыт простор воображению. Такова «Ночь на перевозе», а этому стихотворению созвучны «На реке Сухоне», «Вологодский пейзаж» и многие другие стихи.

Горестное чувство утраты и близкое ему сознание недостижимости мечты нередко посещают поэта. Прекрасна привычность родного края, но все равно тревожит неизведанное: ведь «где-то есть прекрасная страна, там чудо все — и горы, и луна, и пальмы...» («Пальмы юга»). Живя радостью встречи с отчей стороной, будучи убежден, что «мир устроен грозно и прекрасно, что легче там, где поле и цветы», поэт тем не менее с болью чувствует:

Но даже здесь... чего-то не хватает...

Недостает того, что не найти...

«Зеленые цветы»

Излюбленные образы Н. Рубцова зыбки, как видения, хрупки — как все прекрасное. Нет, проза жизни не пугает поэта, но беззащитность красоты перед ней ему введома, — философский смысл обретает подтекст в стихотворениях «Цветы», «Вечернее происшествие», «Природа». Элегической настроенностью, мечтою о недостижимом Н. Рубцов близок не только А. Фету или Я. Полонскому, но и И. Бунину.

Если Рубцов меньше, чем Бунин, увлекается изобразительностью, то музыкальность стиха роднит их вполне — как основа поэзии. «Для меня главное — это найти звук. Как только я его нашел — все остальное дается само собою», — отмечал Бунин. Звук, напевность, мелодический строй стиха часто оказываются организующим началом в лирике Рубцова. Им был принят поэтический завет А. Фета: «Что не выскажешь словами — звуком на душу навей». Но в характере музыки рубцовских стихотворений больше сходства с мелодикой Я. Полонского и С. Есенина, — оба они во многом идут от городского романа. «Песня», «Морошка», «Над вечным покоем», «Прощальная песня» и некоторые другие стихи Н. Рубцова несомненно близки этой традиции.

В критике иногда пишут, что Николай Рубцов — поэт деревенский. Нет, чувства и переживания его вняты как сельскому жителю, так и горожанину. Это и не удивительно: с городом поэт был связан ничуть не меньше, чем с деревней. «Я вырос в хорошей деревне, красивым, под скрип телег», — не без юмора писал он о себе, дополняя: «Мужал я под грохот МАЗов на твердой рабочей земле...» («Грани»). Поэт отразил характернейшее явление современности: миллионы людей меняют сельский образ жизни на городской, а проблема эта вовсе не проста. Конечно же, не каждый человек легко свыкается с новым. Найти свое место в меняющихся жизненных условиях, приспособиться к ним помогает человеку поэзия. В том же стихотворении Рубцов пишет:

Ах, город село таранит!

Ах, что-то пойдет на слом!

Меня все терзают грани

Меж городом и селом...

Поэт иронизирует над плоскими выводами из сложной жизненной проблемы, понимая необратимость прогресса. Всем и каждому, любя или не любя, придется привыкать к тому, что несет с собой стремительный двадцатый век. Важно только не растерять в его

скоростях, в стремительности движения те добрые нравственные традиции, что веками создавала трудовая Россия. Думается, именно в этом ключ к пониманию лирического мира, созданного Н. Рубцовым.

В свою очередь, для самого Н. Рубцова особое значение обрел интерес к прошлому; взгляд в былое давал возможность осознать прекрасную значимость бытия человека на земле. В обыденности текущего дня, его озаряя, за картинами милой ему северной природы открывалась Николаю Рубцову глубина национальной истории. Недаром же «безбрежное болото, на сотни верст усыпанное клюквой», овеяно для Н. Рубцова «сказками и былью прошедших здесь крестьянских поколений» («Осенние этюды»). Чувствовать связь времен для него было естественно, и она ему равно внятна как под башнями Кремля, так и «в родной глуши».

Во многих стихотворениях Николая Рубцова предстает трудовая деревня («Жар-птица», «Острова свои обогреваем», «Жара» и др.). Трудолюбие, стойкость в испытаниях, уважительное отношение людей друг к другу, приветливость, безусловная и истинная доброта — те нравственные достоинства, которые видит поэт в своих немногословных героях. Эти свойства народного характера выработаны всем ходом национальной истории, и именно таковыми: извечными и присущими сегодняшнему человеку, — предстают они в стихотворениях «Видения на холме», «Шумит Катунь», «Русский огонек».

А превыше всего ценит Николай Рубцов в человеке его привязанность к родине; к земле, на которой трудится он, выращивая хлеб свой; к природе, окружающей человека, наделяющей его своими дарами. Да ведь и сам человек — дитя природы. И видит поэт ширь родного северного края, бездонность неба, глубину вод, всей прекрасной необъятностью мира четко поверяя свои тревоги, заботы, чувства.

Отдельные конкретные детали исторического прошлого мало занимают Н. Рубцова, — он воспринимает былое как реально существующее. «Что-то божье в земной красоте» увидел некогда древний зодчий и однажды из грезы — «как трава, как вода, как березы» возникло «диво-дивное в русской глуши» («Ферапонтово»). В дальнем поселке, где с упоением внимает Рубцов сказанью старинных сосен, ему «слышен глас веков» («Сосен шум»). Дыхание вечности поэт ощущает всюду. На древних дорогах о ней напомним то полусгнивший овин, то «хуторок с позеленевшей крышей». А что представится, когда «по холмам, как три богатыря, еще порой проскачут верховые»?.. Видения обретают реальность в приметах пейзажа, того же, что и в древности: облака над дорогой — «в пыли веков мгновенны и незримы», и так же, как века назад, «июльские деньки идут в нетленной синенькой рубашке»... («Старая дорога»).

Отблеск вечного видел поэт в этих необозримых даях с журавлями да коновязями, — и тем прекраснее они становились для него. Вечное и прекрасное сливается у Рубцова в пленительно неповторимом образе Родины: вечно красота Отчизны и прекрасен дух народа, вынесенный из всех потрясений его тысячелетней истории.

Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.
Все, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полет этих гордых прославленных птиц...

«Журавли» — с их плавной торжественной медлительностью музыки — как захватывающая оратория, печальная и светлая.

А вот романтическая сказка, безудержная в фантазии, мощная по напряженности духовной жажды, бьющейся в ней: «Я буду скакать...»

Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!

Не в прошлом, а в вечном идеал прекрасного у Николая Рубцова. Утверждая прекрасное и вечное как основу нравственного мира личности, его поэзия служит будущему.

Лирика Н. Рубцова, поначалу казавшаяся многим оторванной от бурного течения современности, явилась острым и прямым откликом на явления научно-технической революции с ее стремлением к стандартизации, с ее безразличием к природе и извечным нравственным ценностям. Другое дело, что в мире социализма есть возможности предотвратить нежелательные последствия научно-технического прогресса. К этому и звал своей поэзией Николай Рубцов, вовсе не отрекаясь от движения вперед и веря в правоту и разумную волю людей:

...И какое может быть крушение,
Если столько в поезде народу?

«Поезд»

Все мы едем в поезде современности; от нашего сегодняшнего сознания, от действительности нашей исторической памяти зависит будущее. Веря в светлые пути современника, Н. Рубцов тем не менее был чужд обольщений, отсюда и неизбежность острого драматизма в его стихах. Сквозную интонацию его лирики определила в главном и собственная судьба поэта, повторившая судьбу многих и многих, родившихся накануне Великой Отечественной войны.

Он, рано потерявший мать и познавший всю горечь сиротства, пусть и пригретого в детдоме, остро сознавал, что «от раздора пользы не прибует», и видел снова и снова, что «огнем, враждой земля полным-полна» («Русский огонек»). Он знал, что нерукотворная природа, данная нам в наследство на хранение для будущих наших потомков, есть дар бесценный, и с горечью сознавал:

Теперь она, как в дымке, островами
Глядит на нас, покорная судьбе...

«Поэзия»

Силою таланта острые противоречия современности обрели гармонию в пленительно прекрасных стихах.

* * *

И снова, снова вспоминаешь Рубцова, каким он был, и образ его высветляет вселенную, созданную поэтом по своему образу и подобию.

Был он человеком немногоречивым и, казалось, замкнутым.

К чужим и чуждым ему людям относился с настороженностью. Но как доверчиво раскрывался он среди близких ему душою, какая грусть и удаль звучали и в его пении и в мелодиях гармошки, разбуженной его чуткими пальцами!..

Рассуждать о поэзии, о литературе Николай Рубцов не любил, — гораздо охотнее беседовал с людьми, далекими от этого ремесла. Мог запросто завязать разговор с любым встречным мужичком, что вдруг неуверенно остановит на улице и попросит огонька прикурить. Слушать умел внимательно, глядел при этом пристально, пытливо, кажется, всем существом своим постигая собеседника в самом его сокровенном. Таких слушателей любят люди и охотно раскрываются перед ними нараспашку.

Питая откровенную неприязнь ко всякого рода отвлеченным рассуждениям, Николай Рубцов не любил, когда кто-либо начинал при нем демонстрировать свою «эрудированность», и сам свои познания не выставлял напоказ. А знал он по-своему очень многое, но принимал только то, что ложилось ему на душу, — это, наверное, во многом и помогало ему оставаться натурой цельной.

Будучи основательно осведомленным в русской истории, Рубцов с азартом отыскивал древние книги, — конечно же, не ради самого собирания, — всякого рода коллекционирование было не в его характере. Очень близок душевно был Николаю Рубцову Н. В. Гоголь, — целые страницы знал наизусть, при случае свободно припоминая те или иные эпизоды, отвечавшие его собственной склонности к юмору.

Удивительно много Николай Рубцов знал на память: не только все свои стихи, но и Пушкина, Тютчева, Блока... Кстати, томик Тютчева, в тканевом с золотым тиснением переплете, издания конца прошлого века (подарок Станислава Куняева) сохранил он до конца своих дней. Из поэтов-сверстников он ценил стихи Владимира Соколова, Глеба Горбовского, Анатолия Передерева.

Знание Николая Рубцова проявлялось всегда только, так сказать, практически: он редко читал окружающим свои стихи, но охотно — любимых поэтов, порой подбирая на гитаре или гармошке мелодии к этим стихам. Пел он и многие из своих стихотворений. Когда он пел, то терпеть не мог, чтобы кто-то, подпевая, перевирал слова или мелодию; в таких случаях он хмурился, замолкал и, бывало, уходил вовсе.

Сам Николай Рубцов был очень музыкален — нетрудно убедиться в этом, просто читая его стихи вслух. (Не случайны песни на его стихи становятся все больше и больше, создаются они и профессиональными композиторами, и самодеятельными музыкантами). Любил он музыку Чайковского, нравился ему «Полонез» Огинского («Прощание с Родиной»), чувствовал он и обаяние старых русских народных песен. При этом, если ему что-то особенно нравилось, он мог одну и ту же пластинку проигрывать много раз подряд... Непосредственная и безоглядная его натура сказывалась во всем.

Он был неровен в своем настроении и поведении (то и другое у него, впрочем, почти всегда совпадало), нередко бывал резким. Но никогда он не изменял себе: не лицемерил, не приспосабливался, — а прямо с неизбежностью вызывала непонимание и нарекания. Ведь в большинстве своем люди умеют и не гнушаются приспособиться друг к другу и к обстоятельствам, считая, что остальные — точно так же. Но если бы и Рубцов мог так же, как и все, — возможно, он и стал бы поэтом, но уже совсем не таким,

Николай Рубцов не хотел ничем поступаться против требований поэзии, свободного творчества, исповедуя символ воли своего знаменитого земляка Константина Батюшкова: «Живи, как пишешь, пиши, как живешь». Сберегая свой талант от засушивающего влияния условий и условностей, Николай Рубцов, сам сознавая это, губил исподволь, незаметно, свою жизнь.

Поэт слишком рано ушел из жизни, но осталась его лирика, и теперь уже без его творческих достижений невозможно себе представить развитие русской поэзии в 60—70-е годы. И с годами значение созданного Рубцовым осознается все полнее. Большой талант всегда несет новый взгляд на привычные явления, влияет на культуру чувств, на культуру слова и, по-своему углубляясь в традиции, дает исток для новых поисков. Так и лирика Николая Рубцова, к пониманию истинного смысла и народности которой мы, может быть, только теперь, приближаемся.

Жизнеутверждающая и грустная, зовущая к раздумью и действию поэзия Николая Рубцова настраивает душу человека на волны добра и участия к людям. Без поучений и назиданий зовет она к сострадательности и совестливости, а в хаосе противоречивых случайностей помогает открыть гармоничность целого мира.

Василий Оботуров

ВИДЕНИЯ НА ХОЛМЕ

Взбегу на холм
и упаду
в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
Засвищут стрелы будто наяву,
Блеснет в глаза кривым ножом монгола!
Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг в крови и в жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя...

Россия, Русь —
Куда я ни взгляну!
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шепот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы,
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов в окрестностях России.

Кресты, кресты...
Я больше не могу!
Я резко отниму от глаз ладони
И вдруг увижу: смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они — и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье,
И надо мной — бессмертных звезд Руси,
Спокойных звезд безбрежное мерцанье...

Ленинград
1960—1964

СТАРЫЙ КОНЬ

Я долго ехал волоком,
И долго лес ночной
Все слушал медный колокол,
Звеневший под дугой.

Звени, звени легонечко,
Мой колокол, трезвонь!
Шагай, шагай тихонечко,
Мой бедный старый конь!

Хоть волки есть на волоке
И волок тот полог,
Едва он сани к Вологде
По волоку волок.

Звени, звени легонечко,
Мой колокол, трезвонь!
Шагай, шагай тихонечко,
Мой добрый старый конь!

И вдруг заржал он молодо,
Гордясь без похвалы,
Когда увидел Вологду
Сквозь заволоку мглы...

1960 — [1964]

О чем шумят
Друзья мои, поэты
В неугомонном доме допоздна?
Я слышу спор.
И вижу силуэты
На смутном фоне позднего окна.

Уже их мысли
Силой налились!
С чего ж начнут?
Какое слово скажут?
Они кричат,
Они руками машут,
Они как будто только родились!

Я сам за все,
Что крепче и полезней!
Но тем богат,
Что с «Левым маршем» в лад
Негромкие есенинские песни
Так громко в сердце
Бьются и звучат!

С веселым пеньем
В небе безмятежном,
Со всей своей любовью и тоской
Орлу не пара
Жаворонок нежный,
Но ведь взлетают оба высоко!

И, слава взлет
Космической ракеты,
Готовясь в ней летать за небеса,
Пусть не шумят,
А пусть поют поэты
Во все свои земные голоса!
[Май, 1962] — 1964

ОСЬ

Как центростремительная
 сила,
Жизнь меня по всей земле
 носила!
За морями, полными задора,
Я душою был нетерпелив, —
После дива сельского простора
Я открыл немало разных див!
Но моя родимая земля
Надо мной удерживает власть,
Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась.
И вокруг любви непобедимой
К селам,
 к соснам,
 к ягодам Руси
Жизнь моя
 вращается
 незримо,
Как земля вокруг своей оси!

1962 — 1964

* * *

Загородил мою дорогу
Грузовика широкий зад.
И я подумал: «Слава богу,
Дела в селе идут на лад».

Теперь в полях везде машины.
И не видать плохих кобыл.
И только вечный дух крушины
Все так же горек и уныл.

И резко, словно в мегафоны,
О том, что склад забыт и пуст,
Уже не каркают вороны
На председательский картуз.

Идут, идут обозы в город
По всем дорогам без конца, —

Не слышно праздных разговоров,
Не видно праздного лица,

Невская Дубровка
1959 — {1964}

РОДНАЯ ДЕРЕВНЯ

Хотя проклиная проезжий
Дороги моих побережий,
Люблю я деревню Николу,
Где кончил начальную школу!

Бывает, что пылкий мальчишка
За гостем приедем по следу
В дорогу торопится слишком:
— Я тоже отсюда уеду!

Среди удивленных девчонок
Храбрится, едва из пеленок:
— Ну что по провинции шляться?
В столицу пора отправляться!

Когда ж повзрослеет в столице,
Посмотрит на жизнь за границей,
Тогда он оценит Николу,
Где кончил начальную школу...
1964

МАЧТЫ

Созерцаю ли звезды над бездной
С человеческой вечной тоской,
Воцаряюсь ли в рубке железной
За штурвалом над бездной морской, —

Все я верю, воспрянувши духом,
В грозное свое бытие
И не верю настойчивым слухам,
Будто все перейдет в забытье,

Будто все начинаем без страха,
А кончаем в назначенный час

Тем, что траурной музыкой Баха
Провожают товарищи нас.

Это кажется мне невозможным,
Все мне кажется — нет забытья!
Все я верю, как мечтам надежным,
И делам, и мечтам бытия.

1964

НА СЕНОКОСЕ

С утра носились,
Сенокосили,
Отсенокосили, пора!
В костер устало
Дров подбросили
И помолчали у костра.
И вот опять
Вздыхают женщины —
О чем-то думается им?
А мужики лежат,
Блаженствуя,
И в небеса пускают дым!
Они толкуют
О политике,
О новостях, о том о сем,
Не критикуют
Ради критики,
А мудро судят обо всем.
И слышен смех
В тени под ветками,
И песни русские слышны,
Все чаще новые,
Советские,
Все реже — грустной старины...

1964

ХЛЕБ

Положил в котомку
сыр, печенье,
Положил для роскоши миндаль.

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА

В. Белову

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.

— Где тут погост? Вы не видели?
Сам я найти не могу. —
Тихо ответили жители:
— Это на том берегу.

Тихо ответили жители,
Тихо проехал обоз.
Купол церковной обители
Яркой травой зарос.

Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл.

Новый забор перед школою,
Тот же зеленый простор.
Словно ворона веселая,
Сяду опять на забор!

Школа моя деревянная!..
Время придет уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

[1964]

ПРИЕЗД ТЮТЧЕВА

Он шляпу снял,
 чтоб поклониться
Старинным русским каланчам...
А после дамы всей столицы
О нем шептались по ночам.

И офицеры в пыльных бурках
Потом судили меж равнин
О том, как в залах Петербурга
Блистал приезжий дворянин.

А он блистал, как сын природы,
Играя взглядом и умом,
Блистал, как летом блещут воды,
Как месяц блещет над холмом!

И сны Венеции прекрасной,
И грустной родины привет —
Все отражалось в слове ясном
И поражало высший свет.
[1964]

ДУЭЛЬ

Напрасно
 дуло пистолета
Враждебно целилось в него:
Лицо великого поэта
Не выражало ничего!
Уже давно,
 как в божью милость,
Он молча верил
В смертный рок.
И сердце Лермонтова билось,
Как в дни обидчивых тревог.
Когда же выстрел
 грянул мимо
(Наверно, враг
Не спал всю ночь!),
Поэт зевнул невозмутимо
И пистолет отбросил прочь...
[1964]

О ПУШКИНЕ

Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначенье свое,
Отразил он всю душу России!
И погиб, отражая ее...

[1964]

ФАЛЬШИВАЯ КОЛОДА

— Скорей бы, скорей бы
Отчалил проклятый паром!
Как возятся долго
С погрузкой какого-то хлама! —
Сердились, галдя,
На своих чемоданах с добром
Четыре туза
И четыре изысканных дамы...

Меж тем рассветало.
И вдруг, озаряя ухабы,
Взлетел раскаленный,
Светящийся солнечный шар!
В торговый ларек
Потянулись с кошелками бабы,
Вокруг слободы
Расклубился таинственный шарф —
Туман полевой,
И по заспанным омутным ямам
Паром зашумел,
Выплывая в могучий простор!..

Четыре туза
И четыре внимательных дамы
Со мной завели,
Как шарманку,
Глухой разговор
О хлебе, о ценах,
О смысле какой-то проблемы...
— Эй, что ж ты, паромщик?
Затей свою песню, затей! —
Терпеть не могу
Разговоров на общие темы

Среди молодых,
Но уже разжиревших людей...

Сошел я с парома
И сразу направился прямо
Дорогой лесами,
Дорогой полями, а там
Четыре туза
И четыре испуганных дамы
За каждым шофером
Носились весь день по пятам...
[1964]

* * *

У сгнившей лесной избушки,
Меж белых стволов бродя,
Люблю собирать волнушки
На склоне осеннего дня.

Летят журавли высоко
Под куполом светлых небес,
И лодка, шурша осокой,
Плывет по каналу в лес.

И холодно так, и чисто,
И светлый канал волнист,
И с дерева с легким свистом
Слетает прохладный лист...

И словно душа простая
Проносится в мире чудес,
Как птиц одинокая стая
Под куполом светлых небес!
[1964]

* * *

Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племен!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времен...

Давно ли, гуляя, гармонь оглашала окрестность,
И сам председатель плясал, выбиваясь из сил,
И требовал выпить за доблесть в труде и за честность,
И лучшую жницу, как знамя, в руках проносил!

И быстро, как ласточка, мчался я в майском костюме
На звуки гармошки, на пенье и смех на лужке,
А мимо неслись в торопливом немолкнушем шуме
Весенние воды, и бревна неслись по реке...

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звездная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мелк.

И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей, —
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской
короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых
церквей!..

О, сельские виды! О, дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!

Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!

Останьтесь, останьтесь, небесные синие своды!
Останься, как сказка, веселье воскресных ночей!
Пусть солнце на пашнях венчает обильные всходы
Старинной короной своих восходящих лучей!..

Я буду скакать, не нарушив ночное дыхание
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую легкую тень.

И только, страдая, израненный бывший десантник
Расскажет в бреду удивленной старухе своей,

Что ночью промчался какой-то таинственный всадник,
Неведомый отрок, и скрылся в тумане полей...
1963

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Потонула во тьме отдаленная пристань.
По канаве помчался, эх, осенний поток!
По дороге неслись сумасшедшие листья,
И порой раздавался пароходный свисток.

Ну так что же? Пускай рассыпаются листья!
Пусть на город нагрянет затаившийся снег!
На тревожной земле в этом городе мгlistом
Я по-прежнему добрый, неплохой человек.

А последние листья вдоль по улице гулкой
Все неслись и неслись, выбиваясь из сил.
На меня надвигалась темнота закоулков,
И архангельский дождик на меня моросил...
[1964]

НОЧЬ НА ПЕРЕВОЗЕ

Осень кончилась. Сильный ветер
Заметасть ее следы.
И болотная пленка воды
Замерзает при звездном свете.
И грустит,
 как живой,
 и долго
Помнит свой сенокосный рай
Высоко над рекой, под елкой,
Полусгнивший пустой сарай...
От безлюдья и мрака
 хвойных
Побережий, полей, болот
Мне мерещится в темных волнах
Затонувший какой-то флот.
И один во всем околотке
Выйдет бакенщик-великан
И во мгле промелькнет на лодке,
Как последний из могикан...
[1964]

УЛЕТЕЛИ ЛИСТЬЯ

Улетели листья с тополей —
Повторилась в мире неизбежность...
Не жалея ты листья, не жалея,
А жалея любовь мою и нежность!
Пусть деревья голые стоят,
Не кляни ты шумные метели!
Разве в этом кто-то виноват,
Что с деревьев листья улетели?
[1964]

* * *

Сапоги мои — скрип да скрип
Под березою,
Сапоги мои — скрип да скрип
Под осиною,
И под каждой березой — гриб,
Подберезовик,
И под каждой осинкой — гриб,
Подосиновик!
Знаешь, ведьмы в такой глуши
Плачут жалобно.
И чаруют они, кружа,
Детским пением,
Чтоб такой красотой в тиши
Все дышало бы,
Будто видит твоя душа
сновидение.
И закружат твои глаза
Тучи плавные
Да брусничных глухих трясин
Лапы, лапушки...
Таковы на Руси леса
Достославные,
Таковы на лесной Руси
Сказки бабушки.
Эх, не ведьмы меня свели
С ума-разума
 песней сладкою —
Закружило меня от села вдали
Плодоносное время
Краткое...

с. Никольское
1964

По мокрым скверам
проходит осень,
Лицо нахмуря!
На громких скрипках
дремучих сосен
Играет буря!
В обнимку с ветром
иду по скверу
В потемках ночи.
Ищу под крышей
свою пещеру —
В ней тихо очень.
Горит пустынный
электропламень,
На прежнем месте,
Как драгоценный какой-то камень,
Сверкает перстень, —
И мысль, летая,
кого-то ищет
По белу свету...
Кто там стучится,
в мое жилище?
Покоя нету!
Ах, это злая старуха осень,
Лицо нахмуря,
Ко мне стучится,
и в хвое сосен
Не молкнет буря!

Последний день уносится навек...
Он слезы льет, он требует участия,
Но поздно понял, важный человек,
Что создал в жизни
ложный облик счастья!

Значенье слез, которым поздно течь,
Не передать — близка его могила,
И тем острее мстительная речь,
Которую душа заговорила...

Когда над ним, угаснувшим навек,
Хвалы и скорби голос раздавался, —
«Он умирал, как жалкий человек!» —
Подумал я и вдруг заволновался:
Мы по одной дороге ходим все. —
Так думал я. — Одно у нас начало,
Один конец. Одной земной красе
В нас поклоненье свято прозвучало!
Зачем же кто-то, ловок и остер, —
Простите мне — как зверь в часы охоты,
Так устремлен в одни свои заботы,
Что он толкает братьев и сестер?!

Пусть всю жизнь душа меня ведет!
— Чтоб нас вести, на то рассудок нужен!
— Чтоб мы не стали холодны, как лед,
Живой душе пускай рассудок служит!
В душе огонь — и воля, и любовь! —
И жалок тот, кто гонит эти страсти,
Чтоб гордо жить, нахмуривая бровь,
В лучах довольства полного и власти!
— Как в трех соснах, блуждая и кружа,
Ты не сказал о разуме ни разу!
— Соединясь, рассудок и душа
Даруют нам светильник жизни — разум!

Когда-нибудь ужасной будет ночь.
И мне навстречу злобно и обидно
Такой буран засвищет, что невмочь,
Что станет свету белого не видно!
Но я пойду! Я знаю наперед,
Что счастлив тот, хоть с ног его сбивает,
Кто все пройдет, когда душа ведет,
И выше счастья в жизни не бывает!

Чтоб снова силы чуждые, дрожа,
Все полегли и долго не очнулись,
Чтоб в смертный час рассудок и душа,
Как в этот раз, друг другу
улыбнулись...

Ноябрь, 1964

РУССКИЙ ОГОНЕК

1

Погружены в томительный мороз,
Вокруг меня снега оцепенели!
Оцепенели маленькие ели,
И было небо темное, без звезд.
Какая глушь! Я был один живой
Один живой в бескрайнем мертвом поле!
Вдруг тихий свет — пригрезившийся, что ли? —
Мелькнул в пустыне, как сторожевой...

Я был совсем как снежный человек,
Входя в избу, — последняя надежда! —
И услышал, отряхивая снег:
— Вот печь для вас... И теплая одежда... —
Потом хозяйка слушала меня,
Но в тусклом взгляде жизни было мало,
И, неподвижно сидя у огня,
Она совсем, казалось, задремала...

2

Как много желтых снимков на Руси
В такой простой и бережной оправе!
И вдруг открылся мне и поразил
Сиротский смысл семейных фотографий!
Огнем, враждой земля полным-полна,
И близких всех душа не позабудет...
— Скажи, родимый, будет ли война?
И я сказал:
— Наверное, не будет.

— Дай бог, дай бог... ведь всем не угодишь,
А от раздора пользы не прибудет... —
И вдруг опять: — Не будет, говоришь?
— Нет, — говорю, — наверное, не будет!
— Дай бог, дай бог...
И долго на меня
Она смотрела, как глухонемая,
И, головы седой не поднимая,
Опять сидела тихо у огня.
Что снилось ей? Весь этот белый свет,
Быть может, встал пред нею в то мгновенье?
Но я глухим бречением монет
Прервал ее старинные виденья.
— Господь с тобой! Мы денег не берем.
— Что ж, — говорю, — желаю вам здоровья!
За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

3

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя...
1964

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Вот он и кончился, покой!
Взметая снег, завывла вьюга.
Завыли волки за рекой
Во мраке луга.
Сижу среди своих стихов,
Бумаг и хлама.
А где-то ссть во мгле снегов
Могила мамы.

Там поле, небо и стога,
Хочу туда, о, километры!

Меня ведь свалят с ног снега,
Сведут с ума ночные ветры!
Но я смогу, по я смогу
По доброй воле
Пробить дорогу сквозь пургу
В зверином поле!..
Кто там стучит?
Уйдите прочь!
Я завтра жду гостей заветных...
А может, мама?
Может, ночь —
Ночные ветры?
1964

УТРО

Когда заря, светясь по сосняку,
Горит, горит, и лес уже не дремлет,
И тени сосен падают в реку,
И свет бежит на улицы деревни,
Когда, смеясь, на дворике глухом
Встречают солнце взрослые и дети, —
Воспрянув духом, выбегу на холм
И все увижу в самом лучшем свете.
Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг — везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую...
1965

ЦВЕТЫ

По утрам умываясь росой,
Как цвели они! Как красовались!
Но упали они под косой,
И спросил я: — А как назывались? —
И мерещилось многие дни
Что-то тайное в этой развязке:
Слишком грустно и нежно они
Назывались — «анютины глазки».
[1965]

ЖАР-ПТИЦА

Когда приютит задремавшее стадо
Семейство берез на холме за рекой,
Пастух, наблюдая игру листопада,
Лениво сидит и болтает ногой...

Есть маленький домик в багряном лесу,
И отдыха нынче там нет и в помине:
Отец мой готовит ружье на лису
И вновь говорит о вернувшемся сыне.

А дальше за лесом — большая деревня.
Вороны на елках, старухи в домах.
Деревни, деревни вдали на холмах,
Меж ними село с колокольнею древней...

В деревне виднее природа и люди.
Конечно, за всех говорить не берусь!
Виднее над полем при звездном салюте,
На чем поднималась великая Русь.

Галопом колхозник погнал лошадей,
А мне уж мерещится русская удаль,
И манят меня огоньками уюта
Жилища, мерещится, лучших людей.

Мотало меня и на сейнере в трюме,
И так, на пирушках, во дни торжества,
И долго на ветках дорожных раздумий,
Как плод, созревала моя голова.

Не раз ко дворцу, где сиял карнавал,
Я ветреным франтом в машине катился,
Ну, словом, как бог, я везде бывал
И все же, и все же домой воротился...

— Старик! А давно ли ты ходишь за стадом?
— Давно, — говорит. — Колокольня вдали
Деревни еще оглашала набатом,
И ночью светились в домах фитили.
— А ты не заметил, как годы прошли?
— Заметил, заметил! Попало как надо.
— Так что же нам делать, узнать интересно...

— А ты, — говорит, — полюби и жалей
И помни хотя бы родную окрестность,
Вот этот десяток холмов и полей...
— Ну, ладно! Я рыжиков вам принесу... —

Как просто в прекрасную глушь
листопада
Уводит меня полевая ограда,
И детское пенье в багряном лесу,
И тайна древнейших строений и плит.
И только от бывшей печали, быть может,
Нет-нет да и вспомнится вдруг,
затревожит,
Что осень, жар-птица, вот-вот улетит...
[1965]

В ГОРНИЦЕ

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...

Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догнiet совсем.

Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень,
Завтра у меня под ней
Будет хлопотливый дсны!

Будут поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...
[1965]

ПРОЩАЛЬНЫЙ КОСТЕР

В краю лесов, полей, озер
Мы про свои забыли годы.
Горел прощальный наш костер,
Как мимолетный сон природы...

И ночь, растроченная вся
На драгоценные забавы,
Редает, выше вознося
Небесный купол, полный славы.

Прощай, костер! Прощайте все,
Кто нынче был со мною рядом,
Кто воздавал земной красе
Почти молитвенным обрядом...

Хотя доносятся уже
Сигналы старости грядущей,
Надежды, скрытые в душе,
Светло восходят в день цветущий.

Душа свои не помнит годы,
Так по-младенчески чиста,
Как говорящие уста
Нас окружающей природы...

[1965]

ЖУРАВЛИ

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь — и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные клики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.
Все, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полет этих гордых прославленных птиц.
Широко на Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей —
Это выразят все, как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий плач журавлей...
Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!

Выходите скорей, чтоб взглянуть на любимцев своих!
Вот замолкли — и вновь сиротесет душа и природа
Оттого, что — молчи! — так никто уж не выразит их...
[1965]

В ОСЕННЕМ ЛЕСУ

Доволен я буквально всем!
На животе лежу и ем
Бруснику, крупную бруснику!
Пугаю ящериц на пне,
Потом валяюсь на спине,
Внимая жалобному крику
Болотной птицы... Надо мной
Между березой и сосной
В своей печали бесконечной
Плывут, как мысли, облака,
Внизу волнуется река,
Как чувство радости беспечной...
Я так люблю осенний лес,
Над ним — сияние небес,
Что я хотел бы превратиться
Или в багряный тихий лист,
Иль в дождевой веселый свист
Но, превратившись, возродиться
И возвратиться в отчий дом,
Чтобы однажды в доме том
Перед дороною большою
Сказать: — Я был в лесу листом, —
Сказать: — Я был в лесу дождем!
Повесьте мне, я чист душою...
[1965]

ВЕЧЕРНЕЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Мне лошадь встретила в кустах.
И вздрогнул я. А было поздно.
В любой воде таился страх,
В любом сарае сенокосном...
Зачем она в такой глуши
Явилась мне в такую пору?

Мы были две живых души,
Но неспособных к разговору.
Мы были разных два лица,
Хотя имели по два глаза.
Мы жутко так, не до конца,
Переглянулись по два раза.
И я спешил — признаюсь вам —
С одною мыслью к домочадцам:
Что лучше разным существам
В местах тревожных —
не встречаться!

[1965]

НА ВОКЗАЛЕ

Закатилось солнце за вагоны.
Вот еще один безвестный день,
Торопливый, радостный, зеленый,
Отошел в таинственную сень...

Кто-то странный (видимо, не веря,
Что поэт из бронзы, неживой)
Постоял у памятника в сквере,
Позвенел о бронзу головой,

Посмотрел на надпись с недоверьем
И ушел, посвистывая, прочь...
И опять родимую деревню
Вижу я: избушки и деревья,
Словно в омут, канувшие в ночь.

За старинный плеск ее паромный,
За ее пустынные стога
Я готов безропотно и скромно
Умереть от выстрела врага...

О вине подумаю, о хлебе,
О птенцах, собравшихся в полет,
О земле подумаю, о небе
И о том, что все это пройдет.

И о том подумаю, что все же
Нас кому-то очень будет жаль,
И опять, веселый и хороший,
Я умчусь в неведомую даль!..

[1965]

ОСЕННИЕ ЭТЮДЫ

1

Огонь в печи не спит,
перекликаясь
С глухим дождем, струящимся по крыше...
А возле ветхой сказочной часовни
Стоит береза старая, как Русь, —
И вся она, как огненная буря,
Когда по ветру вытянутся ветви
И зашумят, охваченные дрожью,
И листья долго валяются с ветвей,
Вокруг ствола лужайку устилая...

Когда стихает яростная буря,
Сюда приходит девочка-малютка
И робко так садится на качели,
Закутываясь в бабушкину шаль.
Скрипят, скрипят под ветками качели,
И так шумит над девочкой береза,
И так вздыхает горестно и страстно,
Как будто человеческою речью
Она желает что-то рассказать.
Они друг другу так необходимы!

Но я нарушил их уединенье,
Когда однажды шлялся по деревне
И вдруг спросил играючи: «Шалуныя!
О чем поешь?» Малютка отвернулась
И говорит: «Я не пою, я плачу...»
Вокруг меня все стало так уныло!
Но в наши годы плакать невозможно,
И каждый раз, себя преодолевая,
Мы говорим: «Все будет хорошо».

2

И вот среди осеннего безлюдья
Раздался бодрый голос человека:
— Как много нынче клюквы на болоте!
— Как много нынче клюквы на болоте! —
Во всех домах тотчас отозвалось...

От всех чудес всемирного потопа
Досталось нам безбрежное болото,
На сотни верст усыпанное клюквой,
Овеянное сказками и былью
Прошедших здесь крестьянских поколений...
Зовешь, зовешь... Никто не ответится...
И вдруг уснет могучее сознание,
И вдруг уснут мучительные страсти,
Исчезнет даже память о тебе.

И в этом сне картины нашей жизни,
Одна другой туманнее, толпятся,
Покрытые миражной поволокой
Безбрежной тишины и забвения.
Лишь глухо стонет дерево сухое...

«Как хорошо!—я думал. — Как прекрасно!»
И вздрогнул вдруг, как будто пробудился,
Услышав странный посторонний звук.

Змея! Да, да! Болотная гадюка
За мной все это время наблюдала
И все ждала, шипя и извиваясь...
Мираж пропал. Я весь похолодел.
И прочь пошел, дрожа от омерзенья,
Но в этот миг, как туча, над болотом
Взлетели с криком яростные птицы,
Они так низко начали кружиться
Над головой моею одинокой.
Что стало мне опять не по себе...
«С чего бы это птицы взбеленились? —
Подумал я, все больше беспокоясь. —
С чего бы змеи начали шипеть?»

И понял я, что это не случайно,
Что весь на свете ужас и отравы
Тебя тотчас открыто окружают,
Когда увидят вдруг, что ты один.
Я понял это как предупреждение:
Мол, хватит, хватит шлаться по болоту!
Да, да, я понял их предупреждение, —
Один за клюквой больше не пойду...

Прошел октябрь. Пустынно за овином.
 Звенит снежок в траве обледепелой,
 И глохнет жизнь под небом оловянным,
 И лишь почтовый трактор хлопотливо
 Туда-сюда мотается чуть свет.
 И только я с поникшей головою,
 Как выраженье осени живое,
 Проникнутый тоской ее и дружбой,
 По косогорам родины брожу
 И одного сильнее всего желаю:
 Чтоб в этот день осеннего распада
 И в близкий день ревущей снежной бури
 Всегда светила нам, не унывая,
 Звезда труда, поэзии, покоя,
 Чтоб и тогда она торжествовала,
 Когда не будет памяти о нас...
Октябрь 1965

КРУЖУСЬ ЛИ Я...

Кружусь ли я в Москве бурливой
 С толпой знакомых и друзей,
 Пойду ли к девушке красивой
 И отдохну немного с ней,

Несусь ли в поезде курьерском
 От всякой склоки и обид
 И в настроенье самом мерзком
 Ищу простой сердечный быт,

Засну ли я во тьме сарая,
 Где сено есть и петухи.
 Склоню ли голову, слагая
 О жизни грустные стихи.

Ищу ль предмет для поклоненья
 В науке старцев и старух, —
 Нет, не найдет успокоенья
 Во мне живущий адский дух!

Когда, бесчинствуя повсюду,
Смерть разобьет мою судьбу,
Тогда я горсткой пепла буду!
Но дух мой... вылетит в трубу!
Октябрь 1965

ПО ДРОВА

Мимо изгороди шаткой,
Мимо разных мест
По дрова спешит лошадка
В Сиперово, в лес.

Дед Мороз идет навстречу.
— Здравствуй!
— Будь здоров!.. —
Я в стихах увековечу
Заготовку дров.

Пахнет елками и снегом,
Бодро дышит грудь,
И лошадка легким бегом
Продолжает путь.

Привезу я дочке Лене
Из лесных даров
Медвежонка на колене,
Кроме воза дров.

Мимо изгороди шаткой,
Мимо разных мест
Вот и въехала лошадка
В Сиперово, в лес.

Нагружу большие сани
Да махну кнутом —
И как раз поспею к бане,
С веником притом!
Ноябрь 1965

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь.
Светятся, тихие, светятся, чудные,
Слышится шум полыньи...
Были пути мои трудные, трудные.
Где ж вы, печали мои?
Скромная девушка мне улыбается,
Сам я улыбчив и рад!
Трудное, трудное — все забывается,
Светлые звезды горят!
Кто мне сказал, что во мгле заметленной
Глохнет покинутый луг?
Кто мне сказал, что надежды потеряны?
Кто это выдумал, друг?
В этой деревне огни не погашены.
Ты мне тоску не пророчь!
Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь...
[1964]

ЗИМОВЬЕ НА ХУТОРЕ

Короткий день.
А вечер долгий.
И непременно перед сном
Весь ужас ночи за окном
Встает. Кладбищенские елки
Скрипят. Окно покрыто льдом,

Порой без мысли и без воли
Смотрю в оттаявший глазок.
И вдруг очнусь — как дико в поле!
Как лес и грозен и высок!

Зачем же, как сторожевые,
На эти грозные леса
В упор глядят глаза живые,
Мои полночные глаза?

Зачем? Не знаю. Сердце стынет
В такую ночь. Но все равно
Мне хорошо в моей пустыне,
Не страшно мне, когда темно.

Я не один во всей Вселенной.
Со мною книги, и гармонь,
И друг поэзии нетленной —
В печи березовый огонь...
[1966]

ГРАНИ

Я вырос в хорошей деревне,
Красивым — под скрип телег!
Одной деревенской царевне
Я нравился как человек.

Там нету домов до неба,
Там нету реки с баржой,
Но там на картошке с хлебом
Я вырос такой большой.

Мужал я под грохот МАЗов
На твердой рабочей земле...
Но хочется как-то сразу
Жить в городе и в селе.

Ах, город село таранит!
Ах, что-то пойдет на слом!
Меня все терзают грани
Меж городом и селом...
[1966]

* * *

В святой обители природы,
В тени разросшихся берез
Струятся омутные воды
И раздается скрип колес.

Прощальной дымкою повиты
Старушки избы над рекой.
Незабываемые виды!
Незабываемый покой!.

Усни, могучее сознание!
Но слишком явственно во мне
Вдруг отзовется увядание
Цветов, белеющих во мгле.

И неизвестная могила
Под небеса уносит ум,
А там — полночные светила
Наводят много-много дум...
[1966]

МЕДВЕДЬ

В медведя выстрелил лесник.
Могучий зверь к сосне приник.
Застряла дробь в лохматом теле.
Глаза медведя слез полны:
За что его убить хотели?
Медведь не чувствовал вины!
Домой отправился медведь,
Чтоб горько дома пореветь...
[1966]

* * *

Ветер всхлипывал, словно дитя,
За углом потемневшего дома.
На широком дворе, шелестя,
По земле разлеталась солома...

Мы с тобой не играли в любовь,
Мы не знали такого искусства,
Просто мы у поленницы дров
Целовались от странного чувства.

Разве можно расстаться шутя,
Если так одиноко у дома,
Где лишь плачущий ветер-дитя
Да поленница дров и солома.

Если так потемнели холмы,
И скрипят, не смолкая, ворота,
И дыхание близкой зимы
Все слышней с ледяного болота...
[1966]

* * *

В полях сверкало. Близилась гроза.
Скорей, скорей! Успеем ли до дому?
Тотчас очнулись сонные глаза,
Блуждает взгляд по небу грозовому.

Возница злой. Он долго был в пути.
Усталый конь потряхивает гривой.
А как сверкнет — шарохнется пугливо
И не поймет, куда ему идти.

Скорей, скорей! Когда продрогнешь весь,
Как славен дом и самовар певучий!
Вон то село, над конем выются тучи,
Оно село родимое и есть...
[1966]

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

Рукой раздвинув темные кусты,
Я не нашел и запаха малины,
Но я нашел могильные кресты,
Когда ушел в малинник за овины...

Там фантастично тихо в темноте,
Там одиноко, боязно и сыро,
Там и ромашки будто бы не те —
Как существа уже иного мира.

И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким все было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.

ПРИРОДА

Звенит, сместся, как младенец
И смотрит солнышку вослед —
И меж берез, домов, поленниц
Горит, струясь, небесный свет!
Как над заплаканным младенцем,
Играя с нею, после гроз
Узорным чистым полотенцем
Свисает радуга с берез.
И сладко, сладко ночью звездной
Ей снится легкий скрип телег...
И вдруг разгневается грозно,
Совсем как взрослый человек!
Как человек богоподобный,
Внушает в гибельной борьбе
Пускай не ужас допотопный,
Но поклонение себе...

[1966]

ПОЛНОЧНОЕ ПЕНЬЕ

Когда за окном потемнело,
Он тихо потребовал спички
И лампу зажег неумело,
Ругая жену по привычке.
И вновь колдовал над стаканом,
Над водкой своей, с нетерпеньем...
И долго потом не смолкало
Его одинокое пенье.
За стенкой с ребенком возились,
И плач раздавался и ругань,
Но мысли его уносились
Из этого скорбного круга...
И долго без всякого дела,
Как будто бы слушая пенье,
Жена терпеливо сидела
Его молчаливою тенью.
И только когда за оградой
Лишь сторож фонариком светит,
Она говорила: — Не надо!
Не надо! Ведь слышат соседи! —
Он грозно вставал,
как громила.

— Я пью, — говорил, — ну и что же? —
Жена от него отходила,
Воскликнув: — О господи боже!.. —
Меж тем как она раздевалась
И он перед сном раздевался,
Слезами она заливалась,
А он
 соловьём
 заливался...

[1966]

ОДНАЖДЫ

Однажды Гоголь вышел из кареты
На свежий воздух. Думать было лень.
Но он во мгле увидел силуэты
Полузабытых тощих деревень.
Он пожалел безрадостное племя,
Оплакал детства светлые года,
Не смог представить будущее время —
И произнес: — Как скучно, господа!
[1966]

* * *

Прекрасно небо голубое!
Прекрасен поезд голубой!
— Какое место вам? — Любое.
Любое место, край любой.

Еще волнует все, что было.
В душе бывшее не прошло.
Но слишком дождь шумел уныло,
Как будто все произошло.

И без мечты, без потрясений
Среди одних и тех же стен
Я жил в предчувствии осеннем
Уже не лучших перемен.

— Прости, — сказал родному краю, —
За мой отъезд, за паровоз.

Я несерьезно. Я играю.
Поговорим еще всерьез.

Мы разлучаемся с тобою,
Чтоб снова встретиться с тобой.
Прекрасно небо голубое!
Прекрасен посзд голубой!
[1966]

* * *

Окошко. Стол. Половики.
В окошке — вид реки...
Черны мои черновики,
Чисты чистовики.

За часом час уходит прочь,
Мелькает свет и тень.
Звезда над речкой — значит, ночь.
А солнце — значит, день.

Но я забуду ночь реки,
Забуду день реки:
Мне спать велят чистовики,
Вставать — черновики.
[1966]

ПРОМЧАЛАСЬ ТВОЯ ПОРА!

Пасха
под синим небом,
С колоколами и сладким хлебом,
С гульбой посреди двора,
Промчалась твоя пора!
Садились ласточки на карниз,
Взвивались ласточки в высоту...
Но твой отвергнутый фанатизм
Увлек с собою

и красоту.
О чем рыдают, о чем поют
Твои последние колокола?

Тому, что было, не воздают
И не горюют, что ты была.
Пасха

 под синим небом,
С колоколами и сладким хлебом,
С гульбой посреди двора,
Промчалась твоя пора!..
[1966]

В МИНУТЫ МУЗЫКИ

В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес,
И голос женщины прощальный,
И шум порывистых берез,

И первый снег под небом серым
Среди погаснувших полей,
И путь без солнца, путь без веры
Гонимых снегом журавлей...

Давно душа блуждать устала
В былой любви, в былом хмелю,
Давно понять пора настала,
Что слишком призраки люблю.

Но все равно в жилищах зыбких —
Попробуй их останови! —
Перекликаясь, плачут скрипки
О желтом плесе, о любви.

И все равно под небом низким
Я вижу явственно, до слез,
И желтый плес, и голос близкий,
И шум порывистых берез.

Как будто вечен час прощальный,
Как будто время ни при чем...
В минуты музыки печальной
Не говорите ни о чем.

[1966]

НА РОДИНУ!

Во мгле, по холмам суровым, —
Без фар не видать ни зги, —
Сто километров с ревом
Летели грузовики,
Летели почти по небу,
Касаясь порой земли.
Шоферы, как в лучший жребий,
Вцепились в свои рули,
Припали к рулям, как зубры,
И гнали — в леса, в леса! —
Жестоко оскалив зубы
И вытаращив глаза...
Я молча сидел в сторонке,
Следя за работой мужчин
И радуясь бешеной гонке
Ночных продуктовых машин.
Я словно летел из неволи
На отдых, на мед с молоком...
И где-то в зверином поле
Сошел и пошел пешком.

[1966]

ЖАРА

Всезнающей, вёщей старухе
И той не уйти от жары.
И с ревом проносятся мухи,
И с визгом снуют комары,
И жадные липнут букашки,
И лютые оводы жгут, —
И жалобно плачут барашки,
И лошади, топая, ржут.
И что-то творится с громилой,
С быком племенным! И взгляни —
С какою-то дьявольской силой
Все вынесут люди одни!
И строят они, и корежат,
Повсюду их сила и власть.
Когда и жара изнеможет,
Гуляют еще, веселясь!..

[1966]

Уединившись за оконцем,
Я с головою ушел в труды!
В окно закатывалось солнце,
И влагой веяли пруды...

Как жизнь полна! Иду в рубашке,
А ветер дышит все живей,
Журчит вода, цветут ромашки,
На них ложится тень ветвей.

И так легки былые годы,
Как будто лебеди вдали
На наши пастбища и воды
Летят со всех сторон земли!..

И снова в чистое оконце
Покоить скромные труды
Ко мне закатывалось солнце,
И влагой веяли пруды...

[1966]

ДУША ХРАНИТ

Вода недвижимое стекло.
И в глубине ее светло.
И только щука, как стрела,
Пронзает водное стекло.

О, вид смиренный и родной!
Березы, избы по буграм
И, отраженный глубиной,
Как сон столетий, божий храм.

О, Русь — великий звездочет!
Как звезд не свергнуть с высоты,
Так век неслышно протечет,
Не тронув этой красоты;

Как будто древний этот вид
Раз навсегда запечатлен
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времен...

[1966]

А между прочим, осень на дворе.
 Ну что ж, я вижу это не впервые.
 Скулит собака в мокрой конуре,
 Залечивая раны босвые.
 Бегут машины, мчатся напрямик
 И вдруг с ухаба шлепаются в лужу.
 Когда, буксуя, воеет грузовик,
 Мне этот вой выматывает душу.
 Кругом шумит холодная вода,
 И все кругом расплывчато и мглисто.
 Незримый ветер, словно в невода,
 Со всех сторон затягивает листья...
 Раздался стук. Я выдернул засов.
 Я рад обняться с верными друзьями.
 Повеселились несколько часов,
 Повеселились с грустными глазами...
 Когда в сенях опять простились мы,
 Я первый раз так явственно услышал,
 Как о суровой близости зимы
 Тяжелый ливень жаловался крышам.
 Прошла пора, когда в зеленый луг
 Я отворял узорное оконце —
 И все лучи, как сотни добрых рук,
 Мне по утрам протягивало солнце...
 [1966]

НАГРЯНУЛИ

Не было собак — и вдруг залаяли.
 Поздно ночью — что за чудеса! —
 Кто-то едет в поле за сараями,
 Раздаются чьи-то голоса...

Не было гостей — и вот нагрянули.
 Не было вестей — так получай!
 И опять под ивами багряными
 Расходился праздник невзначай.

Ты прости нас, полюшко усталое,
 Ты прости, как братьев и сестер:

Может, мы за все свое бывалое
Разожгли последний наш костер.

Может быть, последний раз нагрянули,
Может быть, не скоро навестят...
Как по саду, садику багряному
Грустно-грустно листья шелестят.

Под луной, под гаснущими ивами
Посмотрели мой любимый край
И опять умчались, торопливые,
И пропал вдали собачий лай.
[1966]

* * *

Седьмые сутки дождь не умолкает.
И некому его остановить.
Все чаще мысль угрюмая мелькает,
Что всю деревню может затопить.
Плывут стога. Крутятся, несутся доски.
И погрузились медленно на дно
На берегу забытые повозки,
И потонуло черное гумно,
И реками становятся дороги,
Озера превращаются в моря,
И ломится вода через пороги,
Семейные срывая якоря...

Неделю льет. Вторую льет... Картина
Такая — мы не видели грустней!
Безжизненная водная равнина,
И небо беспросветное над ней.
Видны еще оградные столбы,
Ворочаются, словно крокодилы,
Меж зарослей затопленных гробы,
Ломаются, всплывая, и в потемки
Под резким неслабеющим дождем
Уносятся ужасные обломки
И долго вспоминаются потом...

Холмы и рощи стали островами,
И счастье, что деревни на холмах.

И мужики, качая головами,
Перекликались редкими словами,
Когда на лодках двигались впотьмах,
И на детей покрикивали строго,
Спасали скот, спасали каждый дом
И глухо говорили: — Слава богу!
Слабеет дождь... вот-вот... еще немного...
И все пойдет обычным чередом.

[1966]

НА РЕКЕ СУХОМЕ

Много серой воды,
 много серого неба,
И немного пологой нелюдимою земли,
И немного огней вдоль по берегу... Мне бы
Снова вольным матросом
Наниматься на корабли!
Чтоб с веселой душой
Снова плыть в неизвестность, —
Может, прежнес счастье мелькнет впереди!..
Между тем не щадят
Эту добрую местность,
Словно чья-нибудь месть, проливные дожди.
Но на той стороне под всемирным потопом
Притащилась на берег —
Видно, надо — старушка с горбом,
Но опять мужики на подводе примчались галопом
И с телегой, с конями
Взгромоздились опять на паром.
Вот, я думаю, стать волосатым паромщиком мне бы!
Только б это избрать, как другие смогли, —
Много серой воды,
 много серого неба,
И немного пологой родимой земли,
И немного огней вдоль по берегу...

[1966]

ОСТРОВА СВОИ ОБОГРЕВАЕМ

Захлебнулось поле и болото
Дождевой водою — дождались!
Прозябанием, бедностью, дремотой
Все объято — впадины и высь!

Ночь придет — родимая окрестность,
Словно в омут, канет в темноту!
Темнота, забытость, неизвестность
У ворот, как стража на посту.

По воде, качаясь, по болотам
Бор скрипучий движется, как флот!
Как же мы, отставшие от флота,
Коротаем осень меж болот?

Острова свои обогреваем
И живем без лишнего добра,
Да всегда с огнем и урожаем,
С колыбельным неплем до утра...

Не кричи так жалобно, кукушка,
Над водой, над стужею дорог!
Мать России целой — деревушка,
Может быть, вот этот уголок...
[1966]

* * *

Наслаждаясь ветром резким,
Допоздна по вечерам
Я брожу, брожу по сельским
Белым в сумраке холмам.
Взгляд блуждает по дремотным,
По холодным небесам,
Слух внимает мимолетным,
Приглушенным голосам.
По родному захоластью
В тощих северных лесах
Не бродил я прежде с грустью,
Со слезами на глазах.
Было все — любовь и радость.

Счастье грезилось окрест.
Было все — покой и святость
Невеселых наших мест...
Я брожу... Я слышу пенье...
И в прокуренной груди
Слова слышу я волнение:
Что же, что же впереди?
[1966]

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.

Мать придет и уснет без улыбки...
И в затерянном сером краю
В эту ночь у берестяной зыбки
Ты оплачешь измену мою.

Так зачем же, прищурив ресницы,
У глухого болотного пня
Спелой клюквой, как добрую птицу,
Ты с ладони кормила меня?

Слышишь, ветер шумит по сараю?
Слышишь, дочка смеется во сне?
Может, ангелы с нею играют
И под небо уносятся с ней...

Не грусти на знобющем причале,
Парохода весною не жди!
Лучше выпьем давай на прощанье
За недолгую нежность в груди.

Мы с тобою как разные птицы,
Что ж нам ждать на одном берегу?
Может быть, я смогу возвратиться,
Может быть, никогда не смогу...

Ты не знаешь, как ночью по тропам
За спиною, куда ни пойду,

Чей-то злой настигающий топот
Все мне слышится, словно в бреду.

Но однажды я вспомню про клюкву,
Про любовь твою в сером краю —
И пошлю вам чудесную куклу,
Как последнюю сказку свою.

Чтобы девочка, куклу качая,
Никогда не сидела одна.
— Мама, мамочка! Кукла какая!
И мигает, и плачет она...

[1966]

ОСЕННЯЯ ЛУНА

Грустно, грустно последние листья,
Не играя уже, не горя,
Под гнетущей погаснувшей высью,
Над заслеженной грязью и слизью
Осыпались в конце октября.

И напрасно так шумно, так слепо,
Приподнявшись, неслись над землей,
Словно, где-то не кончилось лето,
Может, там, за расхлябанным следом, —
За тележной цыганской семьей.

Люди жили тревожней и тише
И смотрели в окно иногда, —
Был на улице говор не слышен,
Было слышно как воют над крышей
Ветер, ливень, труба, провода...

Так зачем, проявляя участие,
Между туч проносилась луна
И светилась во мраке ненастья,
Словно отблеск весеннего счастья,
В красоте неизменной одна?

Под луной этой светлой и быстрой
Мне еще становилось грустней
Видеть табор под бурею мгlistой,
Видеть ливень и грязь, и со свистом
Ворох листьев, летящих над ней...

[1966]

Сибирь, как будто не Сибири!
Давно знакомый мир лучистый —
Воздушный, солнечный, цветистый,
Как мыльный радужный пузырь.

А вдруг он лопнет, этот мир?
Вот-вот рукою кто-то хлопнет —
И он пропал... Но бригадир
Сказал уверенно: «Не лопнет!»

Как набежавшей тучки тень,
Тотчас прошла моя тревога, —
На бригадира, как на бога,
Смотрел я после целый день...

Тележный скрип, грузовики,
Река, цветы и запах скотский,
Еще бы церковь у реки, —
И было б все по-вологодски.

[1966]

ВЕСНА НА БЕРЕГУ БИИ

Сколько сору прибило к березам
Разыгравшейся полрой водой!
Трактора, волокуши с навозом,
Жеребята с проезжим обозом,
Гуси, лошади, шар золотой,
Яркий шар восходящего солнца,
Куры, свиньи, коровы, грачи,
Горький пьяница с новым червонцем
У прилавка

и куст под оконцем —
Все купается, тонет, смеется,
Пробираясь в воде и в грязи!

Вдоль по берегу бешеной Бии
Гонят стадо быков верховые —
И, нагнувши могучие выи,
Грозный рев поднимают быки.

Говорю вам: — Услышат глухие! —
А какие в окрестностях Бии —
Поглядеть — небеса голубые!
Говорю вам: — Прозреют слепые,
И дороги их будут легки...

Говорю я и девушке милой:
— Не гляди на меня так уныло!
Мрак, метелица — все это было
И прошло, — улыбнись же скорей!

Улыбнись! — повторяю я милой, —
Чтобы нас половодьем не смыло,
Чтоб не зря с неизбывною силой
Солнце било фонтаном лучей!

[1966]

В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ

То желтый куст,
То лодка кверху днищем,
То колесо тележное
В грязи...
Меж лопухов —
Его, наверно, ищут —
Сидит малыш,
Щенок скулит вблизи.

Скулит щенок
И все ползет к ребенку,
А тот забыл,
Наверное, о нем, —
К ромашке тянет
Слабую ручонку
И говорит...
Бог ведает, о чем!..

Какой покой!
Здесь разве только осень
Над ледоносной
Мечется рекой,

Но крепче сон,
Когда в ночи глухой
Со всех сторон
Шумят вершины сосен,

Когда привычно
Слышатся в лесу
Осин тоскливых
Стоны и молитвы,—
В такую глушь,
Вернувшись после битвы,
Какой солдат
Не уронил слезу?

Случайный гость,
Я здесь ищу жилище
И вот пою
Про уголок Руси,
Где желтый куст
И лодка кверху днищем,
И колесо,
Забытое в грязи...
1966

ШУМИТ КАТУНЬ

...Как я подолгу слушал этот шум,
Когда во мгле горел закатный пламень!
Лицом к реке садился я на камень
И все глядел, задумчив и угрюм,

Как мимо башен, идолов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной,
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал напев ее былинный...

Катунь, Катунь — свирепая река!
Поет она таинственные мифы
О том, как шли воинственные скифы,—
Они топтали эти берега!

Со всей звенящей солнечной листвою,
Перекликаясь с теми, кто прошел,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошел,
И ничего на ней не происходит.
Но это дух пойдет через века!
И пусть травой покроется дорога,
И пусть над ней, печальные немного,
Плывут, плывут, как прежде, облака...

1966

ЯНВАРСКОЕ

Мороз под звездочками светлыми
По лугу белому, по лесу ли
Идет, поигрывая ветками,
Снежком поскрипывая весело.
И все под елками похаживает,
И все за елками ухаживает,—
Снежком атласным принаряживает
И в новогодний путь проваживает!
А после сам принаряжается,
В мальчишку вдруг преображается.
И сам на праздник отправляется:
— Кому невесело гуляется?
Лесами темными и грозными
Бежит вперед с дарами редкими,
И все подмигивает звездами,
И все поигрывает ветками.
И льдинки отвечают звонами.
А он спешит, спешит к народу
С шампанским, с музыкой, с поклонами
Счастливо прожитому году.
Со всеми дружит он и знает,
И жизнь в короткой этой праздности
Как будто снова начинается
С морозной свежести и ясности!

1967

ПАМЯТИ АНЦИФЕРОВА

На что ему отдых такой?
На что ему эта обитель,
Кладбищенский этот покой —
Минувшего страж и хранитель?
— Вы, юноши, нравитесь мне! —
Говаривал он мимоходом,
Когда на житейской волне
Носился с хорошим народом.
Среди болтунов и чудил
Шумел, над вином наклоняясь,
И тихо потом уходил,
Как будто за все извиняясь...
И нынче, являясь в бреду,
Зовст он тоскливо, как вьюга!
И я, содрогаясь, иду
На голос поэта и друга.
Но — пусто! Меж белых могил
Лишь бродит метельная скрипка...
Он нас на земле посетил,
Как чей-то привет и улыбка.
[1967]

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Был вечер и зловещ и ветрен,
Когда один в осенней мгле.
В свое жилище Дмитрий Кедрин
Спешил, вздыхая о тепле...

Поэт, бывало, скажет слово
В любой компании чужой —
Его уж любят, как святого,
Кристально чистого душой.

О, как жестоко в этот вечер
Сверкнули тайные ножи!
И после этой страшной встречи
Не стало кедринской души.

Но говорят, что и во прахе
Он всё вставал над лебедой,

Его убийцы жили в страхе,
Как будто это впрямь святой.

Как будто он во сне являлся
И так спокойно, как никто,
Смотрел на них и удивлялся,
Как перед смертью: — А за что?
[1967]

СИНЕНЬКИЙ ПЛАТОЧЕК

Я вспоминаю, сердцем посветлев,
Какой я был взволнованный и юный!
И пусть стихов серебряные струны
Продолжат свой тоскующий напев

О том, какие это были дни!
О том, какие это были ночи!
Издалека, как синенький платочек,
Всю жизнь со мной прощаются они...

От прежних чувств остался, охладев,
Спокойный свет, как будто отблеск лунный,
Еще поют серебряные струны,
Но редок стал порывистый напев.

И все ж хочу я, странный человек,
Сберечь, как есть, любви своей усталость.
Взглянуть еще на все, что там осталось,
И распрощаться... может быть, навек.
[1967]

ИДЕТ ПРОЦЕССИЯ

Идет процессия за гробом.
Долга дорога в полверсты.
На ветхом кладбище — сугробы
И в них увязшие кресты.

И длится, длится поневоле
Тяжелых мыслей череда,

И снова слышно, как над полем
Негромко стонут провода.

Трещат крещенские морозы.
Идет народ... все глубже снег...
Все величавее березы...
Все ближе к месту человек.

Он в ласках мира, в бурях века
Достоин дожил до седины.
И вот... Хоронят человека...
— Снимите шапку, гражданин!

[1967]

В ГОРНОЙ ДОЛИНЕ

Над горной долиной — мерцанье.
Над горной долиной — светло.
Как всяких забот отрицанье,
В долине почило село.

Тюльпаны, тюльпаны, тюльпаны..
Не здесь ли разбойник морской
Мечтал залечить свои раны,
Измученный парусом рваным,
Разбоем своим и тоской?

Я видел суровые страны,
Я видел крушение и смерть,
Слагал я стихи и романы,—
Не знал я, где эти тюльпаны,
Давно бы решил посмотреть!

И только когда вспоминаю
Тот край, где родился и рос,
Желаю я этому краю,
Чтоб было побольше берез..
[1967]

ДЕТСТВО

Мать умерла.
Отец ушел на фронт.
Соседка злая
Не дает проходу.
Я смутно помню
Утро похорон
И за окошком
Скучную природу.

Откуда только —
Как из-под земли! —
Взялись в жилье
И сумерки, и сырость...
Но вот однажды
Все переменялось,
За мной пришли,
Куда-то повезли.

Я смутно помню
Позднюю реку,
Огни на ней,
И скрип, и плеск парома,
И крик «Скорей!»,
Потом раскаты грома
И дождь... Потом
Детдом на берегу.

Вот говорят,
Что скуден был паек,
Что были ночи
С холодом, с тоскою,—
Я лучше помню
Ивы над рекою
И запоздалый
В поле огонек.

До слез теперь
Любимые места
И там, в глуши,
Под крышею детдома
Для нас звучало
Как-то незнакомо,

Нас оскорбляло
Слово «сирота».

Хотя старушки
Местных деревень
И впрямь на нас
Так жалобно глядели,
Как на сирот несчастных,
В самом деле,
Но время шло,
И приближался день,

Когда раздался
Праведный салют,—
Жизнь распахнулась
Вольно и широко.
И нам подъем
Объявлен был до срока,
И все кричали:
— Гитлеру капут!

Еще прошло
Немного быстрых лет,
И стало грустно вновь:
Мы уезжали!
Тогда нас всей
Деревней провожали,
Туман покрыл
Разлуки нашей след...
[1967]

СОСЕН ШУМ

В который раз меня приветил
Уютный древний Липин Бор,
Где только ветер, снежный ветер
Заводит с хвоей вечный спор.

Какое русское селенье!
Я долго слушал сосен шум,
И вот явилось просветленье
Моих простых вечерних дум.

Сижу в гостинице районной,
Курю, читаю, печь топлю.
Наверно, будет ночь бессонной,
Я так порой не спать люблю!

Да как же спать, когда из мрака
Мне будто слышен глас веков,
И свет соседнего барака
Еще горит во мгле снегов.

Пусть завтра будет путь морозен,
Пусть буду, может быть, угрюм,
Я не просплю сказанье сосен,
Старинных сосен долгий шум...

1967

ГУЛЯЕВСКАЯ ГОРКА

Остановись, дороженька моя!
Все по душе мне — сельская каморка,
Осенний бор, Гуляевская горка,
Где веселились русские князья.

Простых преданий добрые уста
Еще о том гласят, что каждодневно
Гуляла здесь прекрасная царевна,—
Она любила здешние места.

Да! Но и я вполне счастливый тип,
Когда о ней тоскую втихомолку
Или смотрю бессмысленно на елку
И вдруг в тени увижу белый гриб!

И ничего не надо мне, пока
Я просыпаюсь весело на зорьке
И все брожу по старой русской горке,
О прежних днях задумавшись слегка...

1967

ВЗГЛЯНУЛ НА КУСТИК

Взглянул на кустик — истину постиг.
Он и цветет и плодоносит пышно,
Его питает солнышко, и слышно,
Как в тишине поит его родник.

А рядом — глянь! — худые деревца.
Грустна под ними скудная лужайка,
И не звенит под ними балалайка,
И не стучат влюбленные сердца.

Зато с куста нарву для милых уст
Малины крупной, молодой и сладкой,
И, обнимая девушку украдкой,
Ей расскажу про добрый этот куст...

1967

ОТПЛЫТИЕ

Размытый путь. Кривые тополя.
Я слушал шум — была пора отлета,—
И вот я встал и вышел за ворота,
Где простирались желтые поля,

И вдаль пошел... Вдали тоскливо пел
Гудок чужой земли, гудок разлуки!
Но глядя вдаль и вслушиваясь в звуки,
Я ни о чем еще не сожалел...

Была суровой пристань в поздний час,
Искрясь, во тьме горели папиросы,
И трап стонал, и хмурые матросы
Устало поторапливали нас.

И вдруг такой повеяло с полей
Тоской любви! Тоской свиданий кратких!
Я уплывал... все дальше... без оглядки
На мгlistый берег юности своей.

[1967]

ПО ДОРОГЕ ИЗ ДОМА

Люблю ветер. Больше всего на свете.
Как воеет ветер! Как стонет ветер!
Как может ветер быть и стонать!
Как может ветер за себя постоять!

О, ветер, ветер! Как стонет в уши!
Как выражает живую душу!
Что сам не можешь, то может ветер
Сказать о жизни на целом свете.

Спасибо, ветер! Твой слышу стон.
Как облегчает, как мучит он!
Спасибо, ветер! Я слышу, слышу!
Я сам покинул родную крышу...

Душа ведь может, как ты, стонать.
Но так ли может за себя постоять?
Безжизнен, скучен и ровен путь.
Но стонет ветер! Не отдохнуть...

[1968]

НОЧЬ НА РОДИНЕ

Высокий дуб. Глубокая вода.
Спокойные кругом ложатся тени.
И тихо так, как будто никогда
Природа здесь не знала потрясений!

И тихо так, как будто никогда
Здесь крыши сел не слыхивали грома!
Не встрепетает ветер у пруда,
И на дворе не зашуршит солома,

И редок сонный коростеля крик...
Вернулся я — былое не вернется!
Ну что же? Пусть хоть это остается,
Продлится пусть хотя бы этот миг,

Когда души не трогает беда,
И так спокойно двигаются тени,

И тихо так, как будто никогда
Уже не будет в жизни потрясений,

И всей душой, которую не жаль
Всю потопить в таинственном и милым,
Овладевает светлая печаль,
Как лунный свет овладевает миром...
[1967]

В СТАРОМ ПАРКЕ

Песчаный путь
В еловый темный лес.
В зеленый пруд
Упавшие деревья.
И бирюза,
И огненные перья
Ночной грозою
Вымытых небес!

Желтея грустно,
Старый особняк
Стоит в глуши
Запущенного парка,—
Как дико здесь!
Нужна покрепче палка,
Чтоб уложить
Крапиву кое-как...

Покрывшись пеплом,
Гаснет бирюза.
И там, во тьме
Унылого строенья,
Забытого навек
Без сожаленья,
Горят кошачьи
Желтые глаза.

Не отыскать
Заросшие следы,
Ничей приход
Не оживит картины,
Лишь манят, вспыхнув,

Ягоды малины
Да редких вишен
Крупные плоды.

Здесь барин жил.
И, может быть, сейчас,
Как старый лев,
Дряхлеет на чужбине,
Об этой сладкой
Вспомнил он малине,
И долго слезы
Катятся из глаз...

Подует ветер!
Сосен темный ряд
Вдруг зашумит,
Застонет, занеможет,
И этот шум
Волнует и тревожит,
И не понять,
О чем они шумят.
[1967]

КУПАВЫ

Как далеко дороги пролегли!
Как широко раскинулись уголья!
Как высоко над зыбким половодьем
Без остановки мчатся журавли!

В лучах весны — зови иль не зови! —
Они кричат все радостней, все ближе...
Вот снова игры юности, любви
Я вижу здесь... но прежних не увижу.

И обступают бурную реку
Все те ж цветы... но девушки другие,
И говорить не надо им, какие
Мы знали дни на этом берегу.

Бегут себе, играя и дразня,
Я им кричу: — Куда же вы? Куда вы?
Взгляните ж вы, какие здесь купавы! —
Но разве кто послушает меня...
[1967]

В ЛЕСУ

1

В лесу,
 под соснами,
На светлых вырубках
Все мысли слезные
Сто раз я выругал.
А ну, поближе-ка
 иди к сосне!
Ах, сколько рыжиков!
Ну как во сне...
Я счастлив, родина,—
Грибов не счесть.
Но есть смородина,
 малина есть.
И сыплет листья лес,
Как деньги медные,—
Спасибо, край чудес!
Но мы не бедные...
А чем утешены,
 что лес покинули
Все черти, лешие
И все кикиморы?..

2

Ах, вот —
 колодина!
Я плакал здесь.
От счастья, родина.
Ведь счастье есть.
И счастье дикое,
И счастье скромное,
И есть великое,
Ну, пусть — огромное.
Спасибо, родина,
 что счастье есть..

3

А вот — болотина,
Звериный лес.

И снова узкие
 дороги скрещены,—
О, эти русские
Распутья вещие!
Взгляну на ворона —
И в тот же миг
Пойду не в сторону,
 а напрямик...
Я счастлив, родина.
Спасибо, родина.
Всех ягод лучше —
 красная смородина...

[1967]

СТАРИК

Идет старик в простой одежде.
Один идет издалека.
Не греет солнышко, как прежде.
Шумит осенняя река.

Кружились птицы и кричали
Во мраке тучи грозовой,
И было все полно печали
Над этой старой головой.

Глядел он ласково и долго
На всех, кто встретится ему,
Глядел на птиц, глядел на елку..
Наверно, трудно одному.

Когда, поеживаясь зябко,
Поест немного и поспит,
Ему какая-нибудь бабка
Поднять котомку пособит.

Глядит глазами голубыми,
Несет котомку на горбу,
Словами тихими, скупыми
Благодарит свою судьбу.

Не помнит он, что было прежде,
И не боится черных гуч,
Идет себе в простой одежде
С душою светлою, как луч!
[1967]

ЭКСПРОМТ

Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом еще на чем-то вроде,
Потом верхом, потом пешком
Пройду по волоку с мешком —
И буду жить в своем народе!

1967

ПАЛЬМЫ ЮГА

Еще один
Пропал безвестный день,
Покрыты снегом
Крыши деревень
и вся округа,
А где-то есть
Прекрасная страна,
Там чудо все —
И горы, и луна,
и пальмы юга...

И я глядел, глядел
За перевал,
Где до сих пор
Ни разу не бывал...
Как воет вьюга!
За перевалом первым
Побывал,
А там открылся
Новый перевал...
О пальмы юга!

Забуду все.
Займусь своим трудом.
И все пойдет
Обычным чередом,
но голос друга
Твердит, что есть
Прекрасная страна,
Там чудо все —
И горы, и луна,
и пальмы юга,

Не стану верить
Другу своему,
Уйду в свою
Декабрьскую тьму,—
пусть будет вьюга!—
Но, видно, так
Устроен человек.
Что не случайно
Сказано навек:
— О пальмы юга!

[1968]

ЗЕЛЕННЫЕ ЦВЕТЫ

Светлеет грусть, когда цветут цветы,
Когда брожу я многоцветным лугом
Один или с хорошим давним другом,
Который сам не терпит суеты.

За нами шум и пыльные хвосты —
Все улеглось! Одно осталось ясно —
Что мир устроен грозно и прекрасно,
Что легче там, где поле и цветы.

Остановившись в медленном пути,
Смотрю, как день, играя, расцветает.
Но даже здесь... чего-то не хватает...
Недостает того, что не найти.

Как не найти погаснувшей звезды,
Как никогда, бродя цветущей степью,
Меж белых листьев и на белых стеблях
Мне не найти зеленые цветы...

[1967]

ВОЛНУЕТСЯ ЮЖНОЕ МОРЕ

Волнуется южное море.
Склоняясь, шумят кипарисы.
Я видел усталость и горе
В глазах постаревшей актрисы.

Я видел, как ходят матросы
С тоскою в глазах на закате,
Когда задыхаются розы
В бредовом своем аромате.

А ночью под аспидным небом
В томительных сумерках юга
Груженные спиртом и хлебом
Суда окликают друг друга.

И я, увозимый баржою
Все дальше за южную кромкой,
Всему откликаюсь душою
Спокойно уже и негромко...
[1967]

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУГУ

Замерзают мои георгины.
И последние ночи близки.
И на комья желтеющей глины
За ограду летят лепестки...

Нет, меня не порадует — что ты! —
Одинокая странствий звезда.
Пролетели мои самолеты,
Просвистели мои поезда,

Прогудели мои пароходы,
Проскрипели телеги мои, —
Я пришел к тебе в дни непогоды,
Так изволь хоть водой напои!

Не порвать мне житейские цепи,
Не умчаться, глазами горя,
В пугачевские вольные степи,
Где гуляла душа бунтаря.

Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,
С журавлями в холодной дали...

Но люблю тебя в дни непогоды
И желаю тебе навсегда,
Чтоб гудели твои пароходы,
Чтоб свистели твои поезда!
[1967]

О МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ

Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!
В твоей судьбе — о, русская земля! —
В твоей глуши с лесами и холмами,
Где смутной грустью веет старина,
Где было все: смирение и гордыня —
Навек слышна, навек озарена,
Утверждена московская твердыня!

Мрачнее тучи грозный Иоанн
Под ледяными взглядами боярства
Здесь исцелял невзгоды государства,
Скрывая боль своих душевных ран.
И смутно мне далекий слышен звон:
То скорбный он, то гневный и державный!
Бежал отсюда сам Наполеон,
Покрылся снегом путь его бесславный...

Да! Он земной! От пушек и ножа
Здесь кровь лилась...
Он грозной был твердыней!
Пред ним склонялись мысли и душа,
Как перед славной воинской святыней.

Но как, взгляните, чуден этот вид!
Остановитесь тихо в день воскресный —
Ну, не мираж ли сказочно-небесный
Возник пред вами, реет и горит?

И я молюсь — о, русская земля! —
Не на твои забытые иконы,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны...

[1968]

ПРОЩАЛЬНОЕ

Печальная Вологда дремлет
На темной печальной земле,
И люди окраины древней
Тревожно проходят во мгле.

Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,
Играя в окне и горя.

Замолкли веселые трубы
И танцы на всем этаже,
И дверь опустевшего клуба
Печально закрылась уже.

Родимая! Что еще будет
Со мною? Родная заря
Уж завтра меня не разбудит,
Играя в окне и горя.

И сдержанный говор печален
На темном печальном крыльце.
Все было веселым вначале,
Все стало печальным в конце.

На темном разъезде разлуки
И в темном прощальном авто
Я слышу печальные звуки,
Которых не слышит никто...
[1968]

ТОСТ

За Вологду, землю родную,
Я снова стакан подниму!
И снова тебя поцелую,
И снова отправлюсь во тьму,
И вновь будет дождичек литься...
Пусть все это длится и длится!
1967

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

Его увидев, люди ликовали,
Но он-то знал, как был он одинок.
Он оглядел собравшихся в подвале,
Хотел подняться, выйти... и не смог!

И понял он, что вот слабеет воля
(А где покой среди больших дорог?!),
Что есть друзья в тиши родного поля,
Но он от них отчаянно далек!

И в первый раз поник Сергей Есенин,
Как никогда, среди унылых стен...
Он жил тогда в предчувствии осеннем
Уж далеко не лучших перемен.
[1968]

ПО ДОРОГЕ К МОРЮ

Въезжаем в рощу золотую,
В грибную бабушкину глушь,
Лошадка встряхивает сбрую
И пьет порой из теплых луж.

Вот показались вдоль дороги
Поля, деревня, монастырь,
А там — с кустарником убогим
Унылый тянется пустырь...

Я рад тому, что мы кочуем,
Я рад садам монастыря
И мимолетным поцелуям
Прохладных листьев сентября.

А где-то в солнечном Тифлисе
Ты ждешь меня на той горе,
Где в теплый день, при легком бризе,
Прощались мы лицом к заре.

Я опечален: та вершина
Крута. А ты на ней одна,
И азиатская чужбина —
Бог знает что за сторона.

Еще он долгон по селеньям,
Мой путь к морскому кораблю,
И, как тебе, цветам осенним
Я все шепчу: «Люблю, люблю...»
[1968]

В ПУСТЫНЕ

Сотни лет, пролетевших без вести,
Сотни лет, сверхъестественно злой,
Как задуманный кем-то для мести,
Сотни лет над пустынями — эной!

Шли с проклятиями все караваны...
Кто ж любил вас? И кто вас ласкал?
Кто жалел погребенные страны
Меж песков и обрушенных скал?

Хриплым криком тревожа гробницы,
Поднимаются, словно кресты,
Фантастически мрачные птицы,
Одинокие птицы пустынь...

Но и в мертвых песках без движенья,
Как под гнетом неведомых дум,
Зреет жгучая жажда сраженья,
В каждом шорохе зреет самум!...
[1968]

НА АВТОТРАССЕ

Какая зловещая трасса!
Какая суровая быль!
Шоферы высокого класса
Газуют сквозь ветер и пыль!

Газуют во мраке таежном.
По рытвинам в грозной ночи...
— Эй, где тут начальник дорожный?
— Лежит у себя на печи...

Шоферы уносятся с матом,
Начальству от них не уйти!
Но словно с беспомощным братом
Со мной обошлись по пути.

Я шел, свои ноги калеча,
Глаза свои мучая тьмой...
— Куда ты?
— В деревню Предтеча.
— Откуда?
— Из Тотьмы самой...

За мною захлопнулась дверца,
И было всю ночь напролет
Так жутко и радостно сердцу,
Что все мы газуем вперед,

Что все мы почти над кюветом
Несемся все дальше стрелой,
И есть соответствие в этом
С характером жизни самой!..
[1968]

В ИЗБЕ

Стоит изба, дымя трубой,
Живет в избе старик рябой,
Живет за окнами с резьбой
Старуха, гордая собой,
И крепко, крепко в свой предел —
Вдали от всех вселенских дел —
Вросла избушка за бугром
Со всем семейством и добром!
И только сын заводит речь,
Что не желает дом стеречь,
И все глядит за перевал,
Где он ни разу не бывал...
[1968]

ЛАСТОЧКА

Ласточка носится с криком —
Выпал птенец из гнезда.
Дети окрестные мигом
Все прибежали сюда.

Взял я осколок металла,
Вырыл могилку птенцу,
Ласточка рядом летала,
Словно не веря концу.

Долго носилась, рыдая,
Под мезонином своим...
Ласточка! Что ж ты, родная,
Плохо смотрела за ним?
[1968]

ВО ВРЕМЯ ГРОЗЫ

Внезапно небо прорвалось
С холодным пламенем и громом,
И ветер начал вкривь и вкось
Качать сады за нашим домом.

Завеса мутная дождя
Заволокла лесные дали,—
Кромсая мрак и бороздя,
На землю молнии слетали.

А туча шла, гора горой!
Кричал пастух, металось стадо,
И только церковь под грозой
Молчала набожно и свято.

Молчал, задумавшись, и я,
Привычным взглядом созерцая
Зловещий праздник бытия,
Смятенный вид родного края.

И все раскалывалась высь,
Плач раздавался колыбельный,
И стрелы молний все неслись
В простор тревожный,
беспредельный...

[1963]

В ГЛУШИ

Когда душе моей
Сойдет успокоенье
С высоких, после гроз,
Немеркнущих небес,
Когда, душе моей
Внушая поклоненье,
Идут стада дремать
Под ивовый навес,
Когда душе моей
Земная веет святость,
И полная река
Несет небесный свет,—
Мне грустно оттого,
Что знаю эту радость
Лишь только я один:
Друзей со мною нет...
[1968]

У РАЗМЫТОЙ ДОРОГИ...

Грустные мысли наводит порывистый ветер,
Грустно стоять одному у размытой дороги,
Кто-то в телеге по ельнику едет и едет —
Позднее время — спешат запоздалые дроги.
Плачет звезда, холодея, над крышей сарая...
Вспомни — о родина! — праздник на этой дороге!
Шумной гурьбей под луной мы катались, играя,—
Снег освещенный летел вороному под ноги.
Бег все быстрее... Вот вырвались в белое поле,—
В чистых снегах ледяные полынные воды.
Мчимся стрелой... Приближаемся к праздничной школе...
Славное время! Души моей лучшие годы!
Скачут ли свадьбы в глуши потрясенного бора,
Мчатся ли птицы, поднявшие крик, над селеньем,
Льется ли чудное пение детского хора,—
О, моя жизнь! На душе не проходит волнение...
Нет, не кляню я мелькнувшую мимо удачу,
Нет, не жалею, что скоро пройдут пароходы.
Что ж я стою у размытой дороги и плачу?
Плачу о том, что прошли мои лучшие годы...
[1968]

НА НОЧЛЕГЕ

Лошадь белая в поле темном.
Воет ветер, бурлит овраг,
Светит лампа в избе укромной,
Освещающая осенний мрак.

Подмерзая, мерцают лужи...
«Что ж,— подумал,— зайду давай?»
Посмотрел, покурил, послушал
И ответил мне: — Ночевай!

И отправился в темный угол,
Долго с лавки смотрел в окно
На поблекшие травы луга...
Хоть бы слово еще одно!

Есть у нас старики по селам,
Что утратили будто речь:

Ты с рассказом к нему веселым —
Он без звука к себе на печь.

Знаю, завтра разбудит только
Словом будничным, кратким столь,
Я спрошу его: — Надо сколько? —
Он ответит: — Не знаю, сколь!

И отправится в тот же угол,
Долго будет смотреть в окно
На поблекшие травы луга...
Хоть бы слово еще одно!..

Ночеваю! Глухим покоем
Сумрак душу врачует мне,
Только маятник с тихим боем
Все качается на стене,

Только изредка над паромной
Над рекою, где бакен желт,
Лошадь белая в поле темном
Вскинет голову и заржет...
[1968]

ДО КОНЦА

До конца,
До тихого креста,
Пусть душа
Останется чиста!

Перед этой
Желтой, захолустной
Стороной березовой
Моей,
Перед жнивой,
Пасмурной и грустной
В дни осенних
Горестных дождей,
Перед этим
Строгим сельсоветом,
Перед этим
Стадом у моста,

Перед всем
Старинным белым светом
Я клянусь:
Душа моя чиста.

Пусть она
Останется чиста
До конца,
До смертного креста!
[1968]

РАЗБОЙНИК ЛЯЛЯ (Лесная сказка)

1

Мне о том рассказывали сосны
По лесам, в окрестностях Ветлуги,
Где гулял когда-то Ляля грозный,
Сея страх по всей лесной округе.

Был проворен Ляля долговязый.
Пыль столбом взметая над слободкой,
Сам, бывало, злой и одноглазый,
Гнал коня, поигрывая плеткой.

Первым другом был ему Бархотка,
Только волей неба не покойник,—
В смутной жизни ценная находка
Был для Ляли друг его, разбойник.

Сколько раз с добычею на лодке
Выплывали вместе из тумана!
Верным людям голосом Бархотки
Объявлялась воля атамана.

Ляля жил, — не пикнет даже муха! —
Как циклоп, в своих лесистых скалах.
По ночам разбойница Шалуха
Атамана хмурого ласкала...

2

Раз во время быстрого набега
На господ, которых ненавидел,
Под лазурным пологом ночлега
Он княжну прекрасную увидел.

Разметавши волосы и руки,
Как дитя, спала она в постели,
И разбоя сдержанные звуки
До ее души не долетели...

С той поры пошли о Ляле слухи,
Что умом свихнулся он немного.
Злится Ляля, жалуясь Шалухе:
— У меня на сердце одиноко.

Недоволен он своей Шалухой,
О княжне тоскует благородной,
И бокал, наполненный сивухой,
Держит он рукой своей холодной.

Вызывает он к себе Бархотку
И наказ дает ему устало:
— Снаряжай друзей своих и лодку
И немедля знатную молодку
Мне доставь во что бы то ни стало!

А за то моя тебе награда,
Как награда высшая для вора,
Все, как есть, мое богатство клада...
Что ты скажешь против договора?

Не сказал в ответ ему ни слова
Верный друг. Не выпил из бокала.
Но тотчас у берега глухого
Тень с веслом мелькнула и пропала...

3

Дни прошли... Под светлую луною
Век бы Ляля в местности безвестной
Целовался с юною княжною,
Со своей негаданной невестой!

А она, бледнея от печали
И от страха в сердце беспокойном,
Говорит возлюбленному, Ляле:
— Не хочу я жить в лесу разбойном!

Страшно мне среди лесного мрака,
Каждый шорох душу мне тревожит,
Слышишь, Ляля?..— Чтобы не заплакать,
Улыбнуться хочет и не может.

Говорит ей Ляля торопливо,
Горячо целуя светлый локон:
— Боже мой! Не плачь так сиротливо!
Нам с тобой не будет одиноко.

Вот когда счастливый час настанет,
Мы уйдем из этого становья,
Чтобы честно жить, как христиане,
Наслаждаясь миром и любовью.

Дом построим с окнами на море,
Где легко посвистывают бризы,
И, склонясь в дремотном разговоре,
Оселяют море кипарисы.

Будет сад с тропинкою в лиманы,
С ключевою влагою канала,
Чтоб все время там цвели тюльпаны,
Чтоб все время музыка играла...

4

— Атаман! Своя у вас забота,—
Говорит Бархотка, встав к порогу,—
Но давно пришла пора расчета,
Где же клад? Указывай дорогу!

— Ты прости, Бархотка мой любезный,
Мне казна всего теперь дороже!
— Атаман! Твой довод бесполезный
Ничего решить уже не может!

— Ты горяч, Бархотка, и удачлив,
Что желаешь, все себе добудешь!

— Атаман! Удачлив я, горяч ли,
Долго ты меня морочить будешь?

Атаман, мрачней понемногу,
Тихо сел к потухшему камину.
— Так и быть! Скажу тебе дорогу,
Но оставь... хотя бы половину.

— Атаман! Когда во мраке ночи
Крался я с княжной через долину,
Разве я за стан ее и очи
Рисковал тогда наполовину?

— А не жаль тебе четвертой доли? —
Ляля встал взволнованно и грозно.
— Атаман! Тебя ли я неволил?
Не торгуйся! Поздно, Ляля, поздно...

Ляля залпом выпил из бокала
И в сердцах швырнул его к порогу.
— Там, где воют ветры и шакалы,
Там, в тайге, найдешь себе дорогу!

5

Поздний час. С ветвей, покрытых мглою,
Ветер злой срывает листьев горсти.
На коне испуганном стрелюю
Мчится Ляля в сильном беспокойстве.

Мчится он полночными лесами,
Сам не знает, что с ним происходит.
Прискакал. Безумными глазами
Что-то ищет он... и не находит.

— Где княжна? — Вскричал разбойник Ляля
Сквозь тугой порыв лесного гула.
И сказал Бархотка, зубоскаля:
— Вечным сном княжна твоя уснула...

Атаман, ушам своим не веря,
Вдруг метнулся, прочь отбросив плетку,
И, прищурясь, начал, как на зверя,
Наступать на хмурого Бархотку.

— Жаль! Но ада огненная чаша
По тебе, несчастная, рыдает!
— Атаман! Возлюбленная ваша
Вас в раю небесном ожидает!

Тут сверкнули ножики кривые,
Тут как раз и легкая заминка
Происходит в повести впервые:
Я всего не помню поединка.

Но слетелась вдруг воронья стая,
Чуя кровь в лесах благоуханных,
И сгустились тени, покрывая
На земле два тела бездыханных...

6

Бор шумит порывисто и глухо
Над землей угрюмой и греховой.
Кротко ходит по миру Шалуха,
Вдаль гонима волею верховной.

Как наступят зимние потемки,
Как застонут сосны-вековухи,
В бедных избах странной незнакомке
Жадно внемлют дети и старухи.

А она, увядшая в печали,
Боязливой сказкою прощальной
Повествует им о жизни Ляли,
О любви разбойника печальной.

Так, скорбя, и ходит богомолка,
К людям всем испытывая жалость,
Да уж чует сердце, что недолго
Ей брести с молитвами осталось.

Собрала котомку через силу,
Поклонилась низко добрым лицам
И пришла на Лялину могилу,
Чтоб навеки с ним соединиться...

Вот о чем рассказывают сосны
По лесам, в окрестностях Ветлуги,
Где гулял когда-то Ляля грозный,
Сся страх по всей лесной округе,

Где навек почил он за оградой,
Под крестом, сколоченным устало...
Но грустить особенно не надо,
На земле не то еще бывало.

[1968]

ПОЕЗД

Поезд мчался с грохотом и воем,
Поезд мчался с лязганьем и свистом,
И ему навстречу желтым роем
Понеслись огни в просторе мгlistом.
Поезд мчался с полным напряженьем
Мощных сил, уму непостижимых,
Перед самым, может быть, крушеньем,
Посреди миров несокрушимых.
Поезд мчался с прежним напряженьем
Где-то в самых дебрях мироздания,
Перед самым, может быть, крушеньем,
Посреди явлений без названья...
Вот он, глазом огненным сверкая,
Вылетает... Дай дорогу, пеший!
На разъезде где-то, у сарая,
Подхватил меня, понес меня, как леший!
Вместе с ним и я в просторе мгlistом
Уж не смею мыслить о покое,—
Мчусь куда-то с лязганьем и свистом,
Мчусь куда-то с грохотом и воем,
Мчусь куда-то с полным напряженьем
Я, как есть, загадка мироздания.
Перед самым, может быть, крушеньем
Я кричу кому-то: «До свиданья!..»
Но довольно! Быстрое движенье
Все смелее в мире год от году,
И какое может быть крушенье,
Если столько в поезде народу?

[1969]

ВОРОБЕЙ

Чуть живой. Не чирикает даже.
Замерзает совсем воробей.
Как заметит подводу с поклажей,
Из-под крыши бросается к ней!
И дрожит он над зернышком бедным,
И летит к чердаку свосму.
А гляди, не становится вредным
Оттого что так трудно ему...

[1969]

СЛЕЗ НЕ ЛЕЙ...

Есть пора — души моей отрада:
Зыбко все, но зелено уже!
Есть пора осеннего распада,
Это тоже родственно душе.

Грязь кругом, а тянет на болото,
Дождь кругом, а тянет на реку,
И грустит избушка между лодок
На своем ненастном берегу.

Облетают листья, уплывают
Мимо голых веток и оград...
В эти дни дорожке мне бывают
И дела, и образы утрат.

Слез не лей над кочкою болотной
Оттого, что слишком я горяч,
Вот умру — и стану я холодный,
Вот тогда, любимая, поплачь!..

[1969]

ПРО ЗАЙЦА

Заяц в лес бежал по лугу,
Я из лесу шел домой,—
Бедный заяц с перепугу
Так и сел передо мной!

Так и обмер, бестолковый,
Но, конечно, в тот же миг
Поскакал в лесок сосновый,
Слыша мой веселый крик.

И еще, паверно, долго
С вечной дрожью в тишине
Думал где-нибудь под елкой
О себе и обо мне.

Думал, горестно вздыхая,
Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого.
[1969]

ПОДОРОЖНИКИ

Топ да топ от кустика до кустика.—
Неплохая в жизни полоса.
Пролегла дороженька от Устьяга
Через город Тотьму и леса.

Приуныли нынче подорожники,
Потому что, плача и смеясь,
Все прошли бродяги и острожники—
Грузовик разбрызгивает грязь.

Приуныли в поле колокольчики,
Для людей мечтают позвенеть,
Но цветов певучие бутончики
Разве что послушает медведь.

Разве что от кустика до кустика
По следам давно усопших душ
Я пойду, чтоб думами до Устьяга
Погружаться в сказочную глушь.

Где мос приветили рождение
И трава молочная и мед,
Мне приятно даже мух гудение,
Муха— это тоже самолет.

Всю пройду дороженьку до Устюга
Через город Тотьму и леса,
Топ да топ от кустика до кустика,—
Неплохая в жизни полоса!
[1969]

* * *

По холодной осенней реке
Пароход последний плывет,—
Скоро, скоро в глухом городке
Зазимует районный флот.

Я уйду по знакомой тропе
Над родной ледоносной рекой
И в заснеженной русской избе
Зазимую с веселой вдовой.

Зазимую без всяких забот,
Как зимует у пристани флот...
[1969]

ТОТ ГОРОД ЗЕЛЕНый...

Тот город зеленый и тихий
Отрадно заброшен и глух.
Достойно, без лишней шумихи,
Поет, как в деревне, петух
На площади главной... Повозка
Порой гроыхнет через мост,
А там, где овраг и березка,
Столпился народ у киоска
И тянет из ковшика морс,
И мухи летают в крапиве,
Блаженствуя в летнем тепле...
Ну что там отрадней, счастливей
Бывает еще на земле?
Взгляну я во дворик зеленый —
И сразу порадают взор
Земные друг другу поклоны
Людей, выходящих во двор.
Сорву я цветок маттиолы

И вдруг заволнуюсь всерьез:
И юность, и плач радиолы
Я вспомню, и полные слез
Глаза моей девочки нежной
Во мгле, когда гаснут огни...
Как я целовал их поспешно!
Как после страдал безутешно!
Как верил я в лучшие дни!
Ну что ж? Моя грустная лира,
Я тоже простой человек,—
Сей образ прекрасного мира
Мы тоже оставим навек.
Но вечно пусть будет все это,
Что свято я в жизни любил:
Тот город, и юность, и лето,
И небо с блуждающим светом
Неясных небесных светил...
[1969]

ВОЛОГОДСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Живу вблизи пустого храма,
На крутизне береговой,
И городская панорама
Открыта вся передо мной.
Пейзаж, меняющий обличье,
Мне виден весь со стороны
Во всем таинственном величье
Своей глубокой старины.

Там, за рекою, свалка бревен,
Подъемный кран, гора песка,
И торопливо — час не ровен! —
Полощут женщины с мостка
Свое белье; полны до края
Корзины этого добра,
А мимо, волны нагоняя,
Летят и воют катера.

Сады. Желтеющие зданья
Меж зеленеющих садов
И темный, будто из преданья,
Квартал дряхлеющих дворов,

Архитектурный чей-то опус
Среди квартала... Дым густой...
И третий, кажется, автобус
Бежит по линии шестой.

Где строят мост, где роют яму,
Везде при этом крик ворон,
И обрывает панораму
Невозмутимый небосклон.
Кончаясь лишь на этом склоне,
Видны повсюду тополя,
И там, светясь, в тумане тонет
Глава безмолвного кремля...
[1968]

ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД

Памяти А. Яшина

...Мы сразу стали тише и взрослей.
Одно поют своим согласным хором
И темный лес, и стаи журавлей
Над тем Бобришным дремлющим угором...

В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, разбрызгивая воду.
Скажите мне, кто был тогда не рад?
Смеясь, ходили мы по пароходу.
А он, большой, на борт облокотясь,
Он, написавший столько мудрых книжек,
Смотрел туда, где свет зари и грязь
Меж потонувших в зелени домишек.
И нас, пестрея, радовала вязь
Густых ветвей, заборов и домншек,
Но он, глазами грустными смеясь,
Порой смотрел на нас, как на мальчишек...

В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, разбрызгивая воду.
Скажите, кто вернулся бы назад?
Смеясь, ходили мы по пароходу.
А он, больной, скрывая свой недуг,
Он, написавший столько мудрых книжек,

На целый день расстраивался вдруг
Из-за каких-то мелких окунишек.
И мы, сосредоточась, чуть заря,
Из водных трав таскали окунишек,
Но он, всерьез о чем-то говоря,
Порой смотрел на нас, как на мальчишек...

В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, встречаемый народом...
Скажите мне, кто в этом виноват,
Что пароход, где смех царил и лад,
Стал для него последним пароходом?
Что вдруг мы стали тише и взрослей,
Что грустно так поют суровым хором
И темный лес, и стаи журавлей
Над беспробудно дремлющим угором...

[1969]

ПОЭЗИЯ

Теперь она, как в дымке, островками
Глядит на нас, покорная судьбе,—
Мелькнет порой лугами, вегряками —
И вновь закрыта дымными веками...
Но тем сильнее влечет она к себе!

Мелькнет покоя сельского страница,
И вместе с чувством древности земли
Такая радость на душе струится,
Как будто вновь поет на поле жница,
И дни рекой зеркальной потекли...

Снега, снега... За линией железной
Укрomный, чистый вижу уголок.
Пусть век простит мне ропот бесполезный,
Но я молю, чтоб этот вид безвестный
Хотя б вокзальный дым не заволок!

Пусть шепчет бор, серебряно-янтарный,
Что это здесь при звоне бубенцов
Расцвел душою Пушкин легендарный,
И снова мир дивился благодарный:
Пришел отсюда сказочный Кольцов!

Железный путь зовет меня гудками,
И я бегу... Но мне не по себе,
Когда она за дымными веками
Избой в снегах, лугами, ветряками
Мелькнет порой, покорная судьбе...
[1969]

НОЧНОЕ ОЩУЩЕНИЕ

Когда стою во мгле,
Душе покоя нет:
И омуты страшной,
И резче дух болотный,
Миры глядят с небес,
Свой излучая свет,
Свой открывая лик,
Прекрасный, но холодный,

И гор передо мной
Вдруг возникает цепь,
Как сумрачная цепь
Загадок и вопросов...
С тревогою в душе,
С раздумьем на лице,
Я чуток, как поэт,
Бессилен, как философ.

Вот коростеля крик
Послышался опять...
Зачем стою во мгле?
Зачем не сплю в постели?
Скорее спать!
Ночами надо спать!
Настойчиво кричат
Об этом коростели...
[1969]

ПЕСНЯ

Отцветет да поспеет
На болоте морошка,—
Вот и кончилось лето, мой друг!

И опять он мелькает,
Листопад за окошком,
Тучи темные вьются вокруг...

Заскрипели ворота,
Потемнели избушки,
Закачалась над омутом ель,
Слышен жалобный голос
Одинокой кукушки,
И не спит по ночам коростель.

Над притихшей деревней
Скоро, скоро подружки
В облаках полетят с ветерком,
Выходя на дорогу,
Будут плакать старушки
И махать самолету платком.

Ах, я тоже желаю
На просторы вселенной!
Ах, я тоже на небо хочу!
Но в краю незнакомом
Будет грусть неизменной
По родному в окошке лучу.

Жаль мне доброе поле,
Жаль простую избушку,
Жаль над омутом старую ель...
Что ж так жалобно плачет
На болоте кукушка?
Что ж не спит по ночам коростель?
[1969]

ЛИСТЬЯ ОСЕННИЕ

Листья осенние
Где-то во мгле мирозданья
Видели, бедные,
Сон золотой увяданья,
Видели, сонные,
Как, натянувши поводья,
Всадник мрачнел,
Объезжая родные уголья,

Было тихо, и вдруг будто где-то заплакали,—
 Это ветер и сад,
 Это ветер гонялся за листьями,
 Городок засыпал, и мигали бакены
 Так печально в ту ночь у пристани.
 У церковных берез,
 почерневших от древности,
 Мы прощались,
 и пусть, опьяняясь чинариком,
 Кто-то в сумраке,
 злой от обиды и ревности,
 Все мешал нам тогда одиноким фонариком.
 Пароход загудел, возвещая отплытие вдаль!
 Вновь прощались с тобой
 У какой-то кирпичной оградины,
 Не забыть, как матрос,
 не заметивший нашу печаль,
 — Проходите! — сказал.
 — Проходите скорее, граждане! —
 Я прошел. И тотчас,
 всколыхнувший затопленный плес,
 Пароход зашумел,
 Напрягаясь, захлопал колесами...
 Сколько лет пронеслось!
 Сколько вьюг отсвистело и гроз!
 Как ты, милая, там, за березами?

[1969]

ВЕЧЕРНИЕ СТИХИ

Когда в окно осенний ветер свишет
И вносит в жизнь смятение и тоску,—
Не усидеть мне в собственном жилище,
Где в час такой меня никто не ищет,—
Я уплыву за Вологду-реку!

Перевезет меня дощатый катер
С таким родным на мачте огоньком!
Перевезет меня к блондинке Кате,
С которой я, пожалуй что некстати,
Так много лет — не больше чем знаком.

Она спокойно служит в ресторане,
В котором дело так заведено,
Что на окне стоят цветы герани,
И редко здесь бывает голос брани,
И подают кадуйское вино.

В том ресторане мглисто и уютно,
Он на волнах качается чуть-чуть,
Пусть сосед поглядывает мутно
И задает вопросы поминутно,—
Что ж из того? Здесь можно отдохнуть!

Сажу себе. Разглядываю спину
Кого-то уходящего в плаще,
Хочу запеть про тонкую рябину,
Или про чью-то горькую чужбину,
Или о чем-то русском вообще.

Вникаю в мудрость древних изречений
О сложном смысле жизни на земле.
Я не боюсь осенних помрачений!
Я полюбил ненастный шум вечерний,
Огни в реке и Вологду во мгле.

Смотрю в окно и вслушиваюсь в звуки,
Но вот, явившись в светлой полосе,
Идут к столу, протягивают руки
Бог весть откуда взявшиеся други,
— Скучаешь?
— Нет! Присаживайтесь все...

Вдоль по мосткам несется листьев ворох,—
Видать в окно,— и слышен ветра стон,
И слышен волн печальный шум и шорох,
И, как живые, в наших разговорах
Есенин, Пушкин, Лермонтов, Вийон.

Когда опять на мокрый дикий ветер
Выходим мы, подняв воротники,
Каким-то грустным таинством на свете
У темных волн, в фонарном тусклом свете,
Пройдет прощанье наше у реки,

И снова я подумаю о Кате,
О том, что ближе буду с ней знаком,
О том, что это будет очень кстати,
И вновь домой меня увозит катер
С таким родным на мачте огоньком.
[1969]

НАСТУПЛЕНИЕ НОЧИ

Когда заря
Смеркается и брезжит,
Как будто тонет
В омутной ночи,
И в гробовом
Затишье побережий
Скользят ее
Последние лучи,
Мне жаль ее.
Вот-вот... еще немножко...
И, поднимаясь
В гаснущей дали,
Весь ужас ночи
Прямо за окошком
Как будто встанет
Вдруг из-под земли!
И так тревожно
В час перед набегом
Кромешной тьмы
Без жизни и следа,
Как будто солнце
Красное над снегом,
Огромное,
Погасло навсегда...
[1969]

БЕССОННИЦА

Окно, светящееся чуть.
И редкий звук с ночного омота.
Вот есть возможность отдохнуть,
Но как пустынна эта комната!

Мне странно кажется, что я
Среди отжившего, миновавшего,
Как бы в каюте корабля,
Бог весть когда и затонувшего,

Что не под этим ли окном,
Под запыленную картиною
Меня навек затянет сном,
Как будто илом или тиною...

За мыслью мысль — какой-то бред,
За тенью тень — воспоминания,
Реальный звук, реальный свет
С трудом доходят до сознания.

И так раздумываешься вдруг,
И так всему придашь значение,
Что вместо радости — испуг,
И вместо отдыха — мучение.

[1969]

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Кто-то стонет на темном кладбище,
Кто-то глухо стучится ко мне,
Кто-то пристально смотрит в жилище,
Показавшись в полночном окне...
В эту пору с дороги буранной
Заявился ко мне на ночлег
Непонятный какой-то и странный
Из чужой стороны человек.
И старуха метель не случайно,
Как дитя голосит за углом,—
Есть какая-то вечная тайна
В этом жалобном плаче ночном.
Сад качается, стонут стропила...
И по лестнице шаткой во мрак,
Чтоб нечистую выпугнуть силу,
С фонарем я иду на чердак.
По углам разбегаются тени...
— Кто тут ходит?..— Ни звука в ответ...
Подо мной, как живые, ступени
Так и плачут... Спасения нет...

Кто-то стонет всю ночь на кладбище,
Кто-то гибнет в буре — невмочь!
И мерещится мне, что в жилище
Кто-то пристально смотрит всю ночь.
[1969]

ДАЛЕКОЕ

Где вьюга полночным набегом
Поля заметает кругом,
Стоял, запорошенный снегом,
Бревенчатый низенький дом.

Я помню, как звезды светили,
Скрипел за окошком плетень
И стаями волки бродили
Ночами вблизи деревень...

Как все это кончилось быстро!
Как странно ушло навсегда!
Как шумно — с надеждой и свистом —
Помчались мои поезда!

И все же, глаза закрывая,
Я вижу: над крышами хат,
В морозном тумане мерцают,
Таинственно звезды дрожат.

А вьюга полночным набегом
Поля заметает кругом,
И весь запорошенный снегом,
Стоит у околицы дом...
[1969]

ГОЛОЛЕДИЦА

В черной бездне
Большая Медведица
Так сверкает! Отрадно взглянуть.
В звездном свете блестя, гололедица
На земле обозначила путь...
Сколько мысли,

И чувства, и грации
Нам являет заснеженный сад!
В том саду ледяные акации
Под окном освещенным горят.
Вихревыми, холодными струями
Ветер движется, ходит вокруг,
А в саду говорят поцелуями
И пожатием пламенных рук.
Заставать будет зоренька макова
Эти встречи — и слезы, и смех...
Красота не у всех одинакова,
Одинакова юность у всех!
Только мне, кто любил,
Тот не встретится,
Я не знаю, куда повернуть,
В тусклом свете блестя, гололедица
Предо мной обозначила путь...
[1969]

ВЫПАЛ СНЕГ

Выпал снег —
и все забылось,
Чем душа была полна!
Сердце проще вдруг забилося,
Словно выпил я вина.

Вдоль по улице по узкой,
Чистый мчится ветерок,
Красотою древнерусской
Обновился городок.

Снег летит на храм Софии,
На детей, а их не счесть.
Снег летит по всей России,
Словно радостная весть.

Снег летит — гляди и слушай!
Так вот, просто и хитро,
Жизнь порой врачует душу...
Ну и ладно! И добро.

[1969]

ПРИВЕТ, РОССИЯ..

Привет, Россия,— родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!
И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое...

Как будто ветер гнал меня по ней,
По всей земле — по селам и столицам!
Я сильный был, но ветер был сильнее,
И я нигде не мог остановиться.

Привет, Россия,— родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к своим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, изба в лазурном поле.

За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивою под оконцем...
Как миротворно в горницу мою
По вечерам закатывалось солнце!

Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,
И ликовал под ливнями и зноем!..
[1969]

ИВА

Зачем ты, ива, вырастаешь
Над судоходною рекой
И волны мутные ласкаешь,
Как будто нужен им покой?

Преград не зная и обходов,
Безумно жизнь твою губя,
От проходящих пароходов
Несутся волны на тебя!

А есть укромный край природы,
Где под церковною горой
В тени мерцающие воды
С твоей ласкаются сестрой...
[1969]

ЦВЕТОК И НИВА

Цветы! Увядающие цветы!
Как вас водой болотной хлещет,
Так с бесприютной высоты
На нас водой холодной плещет.
А ты? По-прежнему горда?
Или из праздничного зала
На крыльях в прошлые года
Твоя душа летать устала?
И неужели, отлюбя,
Уж не волнуешься, как прежде,—
Бежишь, домой, а на тебя
Водой холодной с неба плещет?
Сырое небо, не плечи
Своей водою бесприютной!
И ты, сорока, не трещи
О нашей радости минутной!
Взойдет любовь на вечный срок,
Душа не станет сиротлива.
Неувядаемый цветок!
Неувядаемая нива!
[1969]

* * *

Уже деревня вся в тени,
В тени сады ее и крыши,
Но ты взгляни чуть-чуть повыше —
Как ярко там горят огни!
Одна у нас в деревне мгlistой
Соседка дряхлая жива,
И на лице ее землистом
Растет какая-то трава.
И все ж прекрасен образ мира,
Когда в ночи равнинных мест
Вдруг вспыхнут все огни эфира,
И льется в душу свет с небес,
Когда деревня вся в тени,
И бабка спит, и над прудами
Шевелит ветер лопухами,
И мы с тобой совсем одни!
[1970]

Скучные мысли — прочь!
Думать и думать — лень!
Звезды на небе — ночь!
Солнце на небе — день!

Плыть, плыть, плыть
Мимо родной ветлы,
Мимо зовущих нас
Милых сиротских глаз...

Если умру — по мне
Не зажигай огня!
Весть передай родне
И посети меня.

Где я зарыт, спроси
Жителей дальних мест,
Каждому на Руси
Памятник — или крест!

Плыть, плыть, плыть...
[1969]

СТОИТ ЖАРА

Стоит жара. Летают мухи.
Под знойным небом чахнет сад.
У церкви сонные старухи
Толкутся, бродят, верещат.

Смотрю угрюмо на калеку,
Соображаю, как же так —
Я дать не в силах человеку
Ему положенный пятак?

И как же так, что я все реже
Волнуюсь, плачу и люблю?
Как будто сам я тоже сплю
И в этом сне тревожно брежу...

[1970]

ПОД ВЕТВЯМИ БОЛЬНИЧНЫХ БЕРЕЗ

Под ветвями плакучих деревьев
В чистых окнах больничных палат
Выткан весь из малиновых перьев
Для кого-то последний закат...
Вроде крепок, как свеженький овощ,
Человек, и легка его жизнь,—
Вдруг проносится «скорая помощь»,
И сирена кричит: «Расступись!»
Вот и я на больничном покое.
И такие мне речи поют,
Что грешно за участие такое
Не влюбиться в больничный уют!
В светлый вечер под музыку Грига
В тихой роще больничных берез
Я бы умер, наверно, без крика,
Но не смог бы, наверно, без слез...
Нет, не все — говорю — пролетело!
Посильней мы и этой беды!
Значит, самое милое дело —
Это выпить немного воды,
Посвистеть на манер канарейки
И подумать о жизни всерьез
На какой-нибудь старой скамейке
Под ветвями больничных берез...

[1969]

РАСПЛАТА

Я забыл, что такое любовь,
И под луным лад городом светом
Столько выпалил клятвенных слов,
Что мрачнее, как вспомню об этом.

И однажды, прижатый к стене
Безобразьем, идущим по следу,
Одиноко я вскрикну во сне
И проснусь, и уйду, и уеду...

Поздно ночью откроется дверь.
Невеселая будет минута.
У порога я встану, как зверь,
Захотевший любви и уюта.

Поблуднеет и скажет: — Уйди!
Наша дружба теперь позади!
Ничего для тебя я не значу!
Уходи! Не гляди, что я плачу!..

И опять по дороге лесной
Там, где свадьбы, бывало, летели,
Неприкаянный, мрачный, почной,
Я тревожно уйду по метели...

[1970]

ПАМЯТНЫЙ СЛУЧАЙ

В детстве я любил ходить пешком.
У меня не уставали ноги.
Помню, как однажды с вещмешком
Весело шагал я по дороге.
По дорогам даже в поздний час
Я всегда ходил без опасенья,
С бодрым настроением в этот раз
Я спешил в далекое селенье...
Но внезапно ветер налетел!
Сразу тьма сгустилась! Страшно стало!
Хмурым лес качался и шумел,
И дорогу снегом заметало!
Вижу: что-то черное вдали
Сквозь метель маячит... Нет, не елки!
Ноги будто к месту приросли!
В голове мелькнуло: «Волки, волки!..»
Волки мне мерещились не раз
В обгоревших пнях. Один, без друга,
Я дрожал от страха, но тотчас
Шел вперед, опомнясь от испуга.
Шел я, спотыкаясь, а метель,
Мне сугроб под ноги наметая,
То вдруг: «У-у-у!» — кричала в темноте,
То вдруг: «А-а-а!» — кричала, как живая!

...После все утихло. Рассвело.
Свет зари скользил по белым склонам.
Я пришел, измученный, в село,
И друзья спросили удивленно:
— Что случилось? Ты не заболел?
— Ничего, — ответил я устало, —
Просто лес качался и шумел,
И дорогу снегом заметало...

[1970]

СВИДАНИЕ

Мы входим в зал.
Сияющие люстры
От напряженья,
Кажется, дрожат!
Звенит хрусталь
И действует на чувства,
Мы входим в зал
Без всякого искусства,
А здесь искусством,
Видно, дорожат.

Швейцар блистает
Золотом и лоском,
Официант —
Испытанный умом,
А наш сосед —
Шикарной папироской...
Чего ж еще?
Мы славно отдохнем!

У вас в глазах
Восторг и упоенье,
И в них такая
Гордость за меня,
Как будто я
Здесь главное явление.
Как будто это
Все моя родня!

Чего ж еще?..
С чего бы это снова,
Встречая тихо
Ласку ваших рук,
За светлой рюмкой
Пунша золотого
Я глубоко
Задумываюсь вдруг?..
[1970]

ЗАЧЕМ?

Она совсем еще ребенок —
И ясен взгляд, и голос тонок.
Она совсем еще дитя —
Живет играя и шутя.

— Давай походим темным лесом!
— Давай разбудим соловья!
Там у дороги под навесом
Моя любимая скамья.

— Давай сбежим скорее в поле!
— Давай посмотрим на зарю!..
Я подчиняюсь поневоле
И тоже что-то говорю.

Но чувства борются во мне,
Я в жизни знаю слишком много,
И часто с ней наедине
Мне и легко и одиноко.

И вот она уже грустна,
И вот уже серьезней встречи,
Совсем запутает она
Клубок моих противоречий!

Зачем же мы ходили лесом?
Зачем будили соловья?
Зачем стояла под навесом
Та одинокая скамья?
[1970]

* * *

О чем писать?
На то не наша воля!
Тобой одним
Не будет мир воспет!
Ты тему моря взял
И тему поля,
А тему гор
Другой возьмет поэт!
Но если нет
Ни радости, ни горя,
Тогда не мни,
Что звонко запоешь,
Любая тема —
Поля или моря,
И тема гор —
Все это будет ложь!
[1970]

ТАЙНА

Чудный месяц горит над рекою,
Над местами отроческих лет,
И на родине, полной покоя,
Широко разгорается свет...
Этот месяц горит не случайно
На дремотной своей высоте,
Есть какая-то жгучая тайна
В этой русской ночной красоте!
Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Всё звенят и звенят бубенцы...
[1970]

II

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОЧИ

Ветер под окошками,
А за огородами
Крики перепелок,
Ржание стреноженных
К табуну с уздечкою
Самого горячего
И по травам скошенным,
Конь в село соседнее
Пусть ромашки встречные
Вздогнувшие ивы
Для меня, как музыкой,
Радостью свидания
Все люблю без памяти
Будоражат сердце мне
В сумерках полей

Крики перепелок,
ранних звезд мерцание,
Ржание стреноженных
молодых коней...

1966

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ах, кто не любит первый снег
В замерзших руслах тихих рек,
В полях, в селеньях и в бору,
Слегка гудящем на ветру!

В деревне празднуют дожинки,
И на гармонь летят снежинки.
И весь в светящемся снегу
Лось замирает на бегу
На отдаленном берегу.

Зачем ты держишь кнут в ладони?
Легко в упряжке скачут кони,
И по дорогам меж полей,
Как стаи белых голубей,
Взлетает снег из-под саней...

Ах, кто не любит первый снег
В замерзших руслах тихих рек,
В полях, в селеньях и в бору,
Слегка гудящем на ветру!

1955

ВОСПОМИНАНИЕ

Брату

Помню, луна смотрела в окно.
Роса блестела на ветке.
Помню, мы брали в ларьке вино
И после пили в беседке.
Ты говорил, что покинешь дом,
Что жизнь у тебя в тумане,

Словно о прошлом, играл потом
«Вальс цветов» на баяне.
Помню я дождь и грязь на дворе,
Вечер темный, беззвездный,
Собака лаяла в конуре,
И глухо шумели сосны...

Приютино
1957

ЭКСПРОМТ

Не подберу сейчас такого слова,
Чтоб стало ясным все в один момент.
Но не забуду Кольку Белякова
И Колькин музыкальный инструмент.

Сурова жизнь. Сильны ее удары,
И я люблю, когда взгрустнется вдруг,
Подолгу слушать музыку гитары,
В которой полон смысла каждый звук.

Когда-то я мечтал под темным дубом,
Что невеселым мыслям есть конец,
Что я не буду с девушками грубым
И пьянствовать не стану, как отец.

Мечты, мечты... А в жизни все иначе.
Нельзя никак прожить без кабаков.
И если я спрошу: «Что это значит?» —
Мне даст ответ лишь Колька Беляков.

И пусть сейчас не подберу я слова.
Но я найду его в другой момент,
Чтоб рассказать про Кольку Белякова
И про его чудесный инструмент.

Приютино
1957

В твоих глазах
Для пристального взгляда
Какой-то есть
Рассеянный ответ...
Небрежно так
Для летнего наряда
Ты выбираешь нынче
Желтый цвет.
Я слышу голос
Как бы утомленный,
Я мало верю
Яркому кольцу...
Не знаю, как там
Белый и зеленый,
Но желтый цвет
Как раз тебе к лицу!
До слез тебе
Нужны родные стены,
Но как прийти
К желанному концу?
И впрямь, быть может,
Это цвет измены.
А желтый цвет
Как раз тебе к лицу...

Приютино
1957

БЕРЕЗЫ

Я люблю, когда шумят березы,
Когда листья падают с берез.
Слушаю — и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез.

Все очнется в памяти невольно,
Отзовется в сердце и в крови.
Станет как-то радостно и больно,
Будто кто-то шепчет о любви.

Только чаще побеждает проза,
Словно дунет ветер хмурых дней.

Ведь шумит такая же береза
Над могилой матери моей.

На войне отца убила пуля,
А у нас в деревне у оград
С ветром и с дождем шумел, как улей,
Вот такой же желтый листопад...

Русь моя, люблю твои березы!
С первых лет я с ними жил и рос.
Потому и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез...

Приютинo
1957

О СОБАКАХ

Не могу я
Видеть без грусти
Ежедневных
Собачьих драк, —
В этом маленьком
Захолустье
Поразительно много
Собак!
Есть мордастые —
Всякой масти!
Есть поджарые —
Всех тонов!
Только тронь —
Разорвут на части
Иль оставят вмиг
Без штанов.
Говорю о том
Не для смеху,
Я однажды
Подумал так:
Да! Собака —
Друг человеку
Одному,
А другому — враг...

Приютинo
1957

ВЕСНА НА МОРЕ

Вьюги в скалах отзвучали.
Воздух светом затопив,
Солнце брызнуло лучами
На ликующий залив!

День пройдет — устанут руки.
Но усталость заслонив,
Из души живые звуки
В стройный просятся мотив.

Свет луны ночами тонок,
Берег светел по ночам,
Море тихо, как котенок,
Все скребется о причал...

1959

* * *

Вредная,
 неверная,
 наверно.
Нервная, наверно... Ну и что ж?
Мне не жаль,
Но жаль неимоверно,
Что меня, наверно, и не ждешь?
За окном,
 таинственны, как слухи,
Ходят тени, шорохи весны.
Но грозой и чем-то в этом духе
Все же веют сумерки и сны!
Будь что будет!
 Если и узнаю,
Что не нравлюсь, — сунусь ли в петлю?
Я нередко землю проклиная,
Проклиная, все-таки люблю!
Я надолго твой,
 хоть и недолго
Почему-то так была близка
И нежна к моей руке с наколкой
Та, с кольцом,

прохладная рука,

Вредная,
 неверная,
 наверно.
Нервная, наверно... Ну и что ж?
Мне не жаль.
Но жаль неимоверно,
Что меня, наверное, не ждешь!
1959

МОРЕ

Вечно в движении, вечно волна,
(Шумны просторы морские), —
Лишь человеку покорна она,
Сила суровой стихии.
К морю нельзя равнодушным быть...
Если, настойчиво споря,
Ты говоришь: «Не могу любить!» —
Значит, боишься моря!
1959

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Сквозь буйство бурь
 пройдя без тени страха,
О, сколько раз
 я милым называл
Суровый берег, выплывший из мрака
Уступами
 дремотных,
 хмурых скал!
Здесь
 жизни дух
 вдыхая даже в камни,
Бурлит с утра рабочая страда.
А день пройдет —
 сияет огоньками
Уют людей, уставших от труда.
Где движет шторм
 разбойных волн отряды,
Любовь к земле
 горит у нас в крови.
133

Жизнь моряка как пушка без заряда
Без этой

вдохновляющей
любви.

Вернувшись с моря,
чувство горькой грусти

Мы испытали б все
до остроты,

Когда б в нелегком
воинском искусстве

Не взяли
с боем
новой высоты!

1959

УТРО НА МОРЕ

Как хорошо! Ты посмотри!
В ущелье белый пар клубится,
На крыльях несут свет зари
Перелетающие птицы.
Соединясь в живой узор,
Бежит по морю рябь от ветра,
Калейдоскопом брызг и света
Сверкает моря горизонт.
Вчера там солнце утонуло,
Сегодня выплыло — и вдруг,
Гляди, нам снова протянуло
Лучи, как сотни добрых рук.

Проснись с утра,
со свежестью во взоре
Навстречу морю окна отвори!
Взгляни туда, где в ветренем просторе
Играют волны в отблесках зари.
Пусть не заметишь в море перемены,
Но ты поймешь, что празднично оно.
Бурлит прибой под шапкой белой пены,
Как дорогое красное вино!
А на скале, у самого обрыва,
Роняя в море призрачную тень,
Так и застыл в восторге молчаливом
Настороженный северный олень,

Заря в разгаре —

как она прекрасна!

И там, где парус реет над волной,
Встречая день, мечтательно и страстно
Поет о счастье голос молодой!

[1960]

В КОЧЕГАРКЕ

Вьется в топке пламень белый,
Белый-белый, будто снег,
И стоит тяжелотелый
Возле топки человек.
Вместо «Здравствуйте»:
— В сторонку! —
Крикнул: — Новенький, кажись? —
И добавил, как ребенку:
— Тут огонь, не обожгись! —
В топке шлак ломал с размаху
Ломом, красным от жары.
Проступали сквозь рубаху
Потных мускулов бугры.
Бросил лом, платком утерся.
На меня глаза скосил:
— А тельняшка, что, для форсу? —
Иронически спросил.
Я смеюсь: — По мне для носки
Лучше вещи нету, факт!
— Флотский, значит? — Значит, флотский.
— Что ж, неплохо, коли так!
Кочегаром, думать надо,
Ладным будешь, — произнес,
И лопату, как награду,
Мне вручил: — Бери, матрос! —
...Пахло угольным угаром,
Лезла пыль в глаза и рот,
А у ног горячим паром
Шлак парил, как пароход.
Как хотелось, чтоб подуло
Ветром палубным сюда...
Но не дуло. Я подумал:
«И не надо! Ерунда!»

И с таким работал жаром,
Будто отдан был приказ
Стать хорошим кочегаром
Мне, ушедшему в запас!
1959

* * *

Помню, как тропкой,
едва заметной,
В густой осоке, где утки крякали,
Мы с острой ходили летом
Ловить налимов
под речными корягами.
Поймать налима не просто было.
Мало одного желания.
Мы уставали, и нас знобило
От длительного купания,
Но мы храбрились: — Рыбак не плачет! —
В воде плескались
до головокружения,
И наконец на песок горячий
Дружно падали в изнеможении!
И долго после мечтали лежа
О чем-то очень большом и смелом,
Смотрели в небо, и небо тоже
Глазами звезд
на нас смотрело...
1959

ЛЕВИТАН
(По мотивам картины
«Вечерний звон»)

В глаза бревенчатым лачугам
Глядит алеющая мгла,
Над колокольчиковым лугом
Собор звонит в колокола!

Звон заокольный и окольный,
У окон, около колонн —
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон,

И колокольцем каждым в душу
До новых радостей и сил
Твои луга звонят не глуше
Колоколов твоей Руси!

*Ленинград
1960*

НА ПЕРЕВОЗЕ

Паром.

Паромщик.

Перевоз.

И я с тетрадкой и с пером.
Не то, что паром паровоз, —
Нас парой весел

вез паром.

Я рос на этих берегах!
И пусть паром — не паровоз.
Как паровоз на всех парах,
Меня он

в детство

перевез.

*Ленинград
1960*

РАЗЛАД

Мы встретились
У мельничной запруды.

И я ей сразу

Прямо все сказал!

— Кому, — сказал, —

Нужны твои причуды?

Зачем, — сказал, —

Ходила на вокзал?

Она сказала:

— Я не виновата.

— Ответь, — сказал я, —

Кто же виноват? —

Она сказала:

— Я встречала брата.

— Ха-ха, — сказал я, —
Разве это брат?

В моих мозгах
Чего-то не хватало:
Махнув на все,
Я начал хохотать.
Я хохотал,
И эхо хохотало,
И грохотала
Мельничная гать.
Она сказала:
— Ты чего хохочешь?
— Хочу, — сказал я, —
Вот и хохочу! —

Она сказала:
— Мало ли что хочешь!
Я это слушать
Больше не хочу!

Конечно, я ничуть
Не напугался,
Как всякий,
Кто ни в чем не виноват,
И зря в ту ночь
Пылал и трепыхался
В конце безлюдной улицы
Закат...

Ленинград
1960

* * *

Я забыл,
Как лошадь запрягают.
И хочу ее
Позапрягать,
Хоть они неопытных
Лягают
И до смерти могут
Залягать.

Не однажды
Мне уже досталось
От коней,
И рыжих, и гнедых, —
Знать не знали,
Что такое жалость,
Били в зубы прямо
И под дых.
Эх, запряг бы
Я сейчас кобылку
И возил бы сено,
Сколько мог,
А потом
Втыкал бы важно вилку
Поросенку
Жареному
В бок...

*Ленинград
1960*

УТРО УТРАТЫ

Человек
 не рыдал,
 не метался
В это утлое утро утраты,
Лишь ограду встряхнуть попытался,
Ухватившись за копыя ограды...

Вот пошел он.
 Вот в черном затоне
Отразился рубашкою белой,
Вот трамвай, тормозя, затрезвонил,
Крик водителя:
 — Жить надоело?!

Шумно было,
 а он и не слышал.
Может, слушал, но слышал едва ли,
Как железо гремело на крышах,
Как железки машин грохотали...

Вот пришел он,
 вот взял он гитару.
Вот по струнам ударил устало,
Вот запел про царицу Тамару
И про башню в теснине Дарьяла...

Вот и все.
 А ограда стояла.
Тяжки копыа чугунной ограды.
Было утро дождя и металла,
Было утлое
 утро
 утраты...

*Ленинград
Зима 1962*

ДОБРЫЙ ФИЛЯ

Я запомнил, как диво,
 Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
 Меж звериных дорог...

Там в избе деревянной,
 Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
 Добрый Филя живет.

Филя любит скотину,
 Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
 Филя дует в дуду!

Мир такой справедливый,
 Даже нечего крыть...
— Филя! Что молчаливый?
 — А о чем говорить?

1960 — [1964]

УТРО ПЕРЕД ЭКЗАМЕНОМ (Шутка)

Тяжело молчал
Валун-догматик
В стороне от волн...
А между тем
Я смотрел на мир,
Как математик,
Доказав с десяток
Теорем.

Скалы встали
Перпендикулярно
К плоскости залива.
Круг луны.
Стороны зари
Равны попарно,
Волны меж собою
Не равны!

Вдоль залива,
Словно знак вопроса,
Дергаясь спиной
И головой,
Пьяное подобие
Матроса
Двигалось
По ломаной кривой.

Спотыкаясь
Даже на цветочках, —
Боже! Тоже пьяная...
В дугу! —
Чья-то равнобедренная
Дочка
Двигалась,
Как радиус в кругу...

Я подумал:
Это так ничтожно,
Что о них
Нужна, конечно, речь,

И в пространстве,
Ветреном и смелом,
Облако —
Из дивной дали гость —
Белым,
Будто выведенным мелом,
Знаком бесконечности
Неслось...

* * *

Как разбойник,
только без кинжала,
Покрестившись лихо на собор,
Мимо волн обводного канала
Поскакал бы я во весь опор!
Мимо окон Эдика и Глеба,
Мимо криков: «Это же — Рубцов!»
Не простой —
возвышенный,
в седле бы

Прискакал к тебе в конце концов!
Но, должно быть, просто и без смеха
Ты мне скажешь: — Боже упаси!
Почему на лошади приехал?
Разве мало в городе такси? —
И, стыдись за дикий свой поступок,
Словно богом свергнутый с небес,
Я отвечу буднично и глупо:
— Да, конечно, это не прогресс...

142

В ОКЕАНЕ

Забрызгана
 крупно
 и рубка,
 и рында,
Но час
 отправления
 дан!
И тральщик
 тралфлота
 треста «Севрыба»
Пошел
 промышлять
 в океан...
Подумаешь,
 рыба!
 Треске
 мелюзговой
Язвил я:
 — Попалась уже? —
На встречные
 злые
 суда без улова
Кричал я:
 — Эй, вы!
 На барже! —
А волны,
 как мускулы,
 взмыленно,
 рьяно,
Буграми
 в суровых тонах
Ходили
 по черной
 груди океана,
И чайки плескались
 в волнах,
И долго,
 и хищно,
 стремясь поживиться,
С кричащей
 голодной
 тоской

Летели
 большие
 клювастые
 птицы
За судном,
 пропахшим
 треской...

*Ленинград
Июль 1961*

СТО «НЕТ!»

В окнах зеленый свет,
странный, болотный свет...
Я не повешусь, нет,
не помешаюсь, нет...

Буду я жить сто лет,
и без тебя — сто лет.
Сердце не стонет, нет,
Нет,
 сто «нет»!

*Ленинград
Сентябрь 1961*

ФИАЛКИ

Я в фуфаечке грязной
Шел по насыпи мола,
Вдруг тоскливо и страстно
Стала звать радиола:
— Купите фиалки!
Вот фиалки лесные!
Купите фиалки!
Они словно живые!
Как я рвался на море!
Бросил дом безрассудно
И в моряцкой конторе
Все просился на судно.
Умолял, караулил...
Но нетрезвые, с кренцем,

Моряки хохотнули
И назвали младенцем...

Так зачем мою душу
Так волна волновала,
Посылая на сушу
Брызги сильного шквала?
Кроме моря и неба,
Кроме мокрого мола,
Надо хлеба мне, хлеба!
Замолчи, радиола...
Сел я в белый автобус,
В белый, теплый, хороший,—
Там вертелась, как глобус,—
Голова контролерши.

Назвала хулиганом,
Назвала меня фруктом...
Как все это погано!
Эх! Кондуктор, кондуктор..

Ты не требуй билета,
Увези на толкучку,
Я, как маме, за это
Поцелую вам ручку!

Вот хожу я, где ругань,
Где торговля по кругу,
Где толкают друг друга
И толкают друг другу,
Рвут за каждую гайку
Русский, немец, эстонец...

О!.. Купите фуфайку.
Я отдам за червонец..
Март 1962

* * *

[illegible]

Печально пела радиола
Про мимолетный наш уют.
На камни пламенного мола
Матросы вышли из кают.

Они с родными целовались.
В лицо им дул знобящий норд.
Суда гудели, надрывались,
Матросов требуя на борт.

И вот опять — святое дело!
И наш корабль, заботой полн,
Совсем не так осиротело
Плывет среди бескрайних волн...

Я, юный сын морских факторий,
Хочу, чтоб вечно шторм звучал,
Чтоб для отважных вечно — море,
А для уставших — свой причал...

*Ленинград
Март 1962*

* * *

Старпомы ждут
 своих матросов.
Морской жаргон с борта на борт
Летит, пугая альбатросов,
И оглашен гудками порт.

Иду! А как же? Дисциплина!
Оставив женщин и ночлег,
Иду походкой гражданина
И ртом ловлю роскошный снег.

И выколачиваю звуки
Из веток, тронутых ледком,
Дышу на зябнущие руки,
Дышу свободно и легко.

Никем по свету не гонимый,
Я в этот порт явился сам

В своей любви необъяснимой
К полочным северным судам.

Вот бледнолицая девица
Без выраженья на лице,
Как замерзающая птица,
Сидит зачем-то на крыльце.

— Матрос! — кричит. — Чего не спится?
Куда торопишься? Постой!
— Пардон! — кричу. — Иду трудиться!
Болтать мне некогда с тобой!

Ленинград
Март 1962

ЭЛЕГИЯ

Стукнул по карману — не звенит.
Стукнул по другому — не слышать.
В тихий свой, таинственный зенит
Полетели мысли отдыхать.

Но очнусь и выйду за порог
И пойду на ветер, на откос
О печали пройденных дорог
Шелестеть остатками волос.

Память отбивается от рук,
Молодость уходит из-под ног,
Солнышко описывает круг —
Жизненный отсчитывает срок.

Стукну по карману — не звенит.
Стукну по другому — не слышать.
Если только буду знаменит,
То поеду в Ялту отдыхать...

1957 — март 1962

КУДА ПОЛЕТИМ?

— Мы будем свободны, как птицы, —
Ты шепчешь. И смотришь с тоской,
Как тянутся птиц вереницы
Над морем, над бурей морской!
И стало мне жаль отчего-то,
Что сам я люблю и любим...
Ты — птица иного полета, —
Куда ж мы с тобой полетим?

*Ленинград
Март 1962*

ВЕТЕР С НЕВЫ

Я помню холодный ветер с Невы
И грустный наклон твоей головы.
Я помню умчавший тебя трамвай,
В который вошла ты, сказав: «Прощай!»
Свиданья в прошлом теперь... Но ты
Всеходишь хозяйкой в мои мечты.
Любовь, а не брызги речной синевы
Принес мне холодный ветер с Невы.

*Ленинград
Май 1962*

* * *

Пора любви среди полей,
Среди закатов тающих
И на виду у журавлей,
Над полем пролетающих.

Теперь все это далеко.
Но в грустном сердце жжение
Пройдет ли просто и легко,
Как головокружение?

О том, как близким был тебе,
И о закатах пламенных
Ты с мужем помнишь ли теперь
В тяжелых стенах каменных?

Нет, не затмила ревность мир.
Кипел, но вспомнил сразу я:
Назвал чудовищем Шекспир
Ее, зеленоглазую.

И чтоб трагедией души
Не стала драма юности,
Я говорю себе: «Пиши
О радости, о лунности...»

И ты ходи почаще в луг
К цветам, к закатам пламенным,
Чтоб сердце пламенело вдруг,
Не стало сердце каменным.

Да не забудь в конце концов,
Хоть и не ты, не ты моя:
На свете есть матрос Рубцов,
Он друг тебе, любимая.

Май 1962

ОТТЕПЕЛЬ

Нахмуренное,
с прозеленью,
небо,
Во мгле, как декорации, дома,
Асфальт и воздух
Пахнут мокрым снегом,
И веет мокрым холодом зима.
Я чувствую себя больным и старым,
И что за дело мне до разных там
Гуляющих всю ночь по тротуарам
Мне незнакомых девушек и дам!
Вот так же было холодно и сыро,
Сквозил в проулках ветер и рассвет,
Когда она задумчиво спросила:
— Наверное, гордишься, что поэт? —
Наивная! Ей было не представить,
Что не себя — ее хотел прославить,
Что мне для счастья
Надо лишь иметь
То, что меня заставило запеть!
И будет вечно веять той зимою,
Как повторяться будет средь зимы
И эта ночь со слякотью и тьмою,
И горький запах слякоти и тьмы.

Ленинград
Май 1962

СОЛОВЬИ

В трудный час,
Когда ветер полощет зарю
В темных струях нагретых озер,
Я ищу, раздвигая руками ивняк,
Птичьи гнезда на кочках в траве.

Как тогда,
Соловьями затоплена ночь!
Как тогда,
Не шумят тополя!
А любовь не вернуть,
Как нельзя отыскать
Отвихрившийся след корабля...

Соловьи, соловьи,
Заливались, а ты
Заливалась слезами в ту ночь!
Закатился закат,
Закричал паровоз —
Это он на меня закричал!

Я умчался туда,
Где за горным хребтом
Многогорбый старик океан,
Разрыдавшись,
Багровые волны-горбы
Разбивает о лбы валунов...

Да, я знаю,
У многих проходит любовь,
Все проходит,
Проходит и жизнь,
Но не думал тогда
И подумать не мог,
Что и наша любовь позади...

Закатился закат. Задремало село.
Ты пришла и сказала: «Прости»,
Но простить я не мог,
Потому что всегда
Слишком сильно я верил тебе!

Творя бессмертное творенье,
Смирняя бойких рифм дожди,
Тружусь.

И чувствую волнение
В своей прокуренной груди.
Строптивый стих,

как зверь страшный,
Горбятся, бьется под рукой.
Мой стиль, увы,

несовершенный.
Но я ж не Пушкин,

я другой...
И все же грустно до обиды
У мух домашних на виду
Послушно, как кариатиды,
Стареть в сложившемся быту.
Ведь я кричал,

врываясь в споры,
Что буду жить наверняка,
Как мчат коней,

вонзая шпоры
В их знойно-потные бока!

*Ленинград
Май 1962*

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Слухи были глупы и резки:
Кто такой, мол, Есенин Серега,
Сам суди: удавился с тоски
Потому, что он пьянствовал много.

Да, недолго глядел он на Русь
Голубыми глазами поэта.
Но была ли кабацкая грусть?
Грусть, конечно, была... Да не эта!

Версты все потрясенной земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музыки!

Это муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.

*Ленинград
Май 1962*

ХОРОШИЙ УЛОВ

У тралмейстера крепкая глотка —
Он шумит, вдохновляя аврал!
Вот опять загремела лебедка,
Выбирая загруженный трал.

Сколько всякой на палубе рыбы!
Трепет камбал — глубинниц морей,
И зубаток пятнистые глыбы
В красной груди больших окуней!

Здесь рождаются добрые вести,
Что обрадуют мурманский стан!
А на мостике в мокрой зюйдвестке
С чашкой кофе стоит капитан.

Капитан, как вожатая птица,
В нашей стае серьезен один:
Где-то рядом в тумане таится
Знаменитый скалистый Кильдин...

Я ТЕБЯ ЦЕЛОВАЛ...

Я тебя целовал сквозь слезы.
Только ты не видела слез,
Потому, что сырой и темной
Была осенняя ночь.

По земле проносились листья.
А по морю — за штормом шторм,
Эти листья тебе остались.
Эти штормы достались мне.

Широко, отрешенно, грозно
Бились волны со всех сторон,
Но порой затихало море,
И светилась заря во мгле.

Я подумал, что часто к морю
Ты приходишь и ждешь меня.
И от этой счастливой мысли
Будто солнце в душе зажглось!

Пусть тебе штормовые стоны
Выражают мою печаль,
А надежду мою и верность
Выражает заря во мгле...

ТЫ С КОРАБЛЕМ ПРОЩАЛАСЬ...

С улыбкой на лице и со слезами
Осталась ты на пристани морской,
И снова шторм играет парусами
И всей моей любовью и тоской!

Я уношусь куда-то в мирозданье,
Я зарываюсь в бурю, как баклан, —
За вечный стон, за вечное рыданье
Я полюбил жестокий океан.

Я полюбил чужой полярный город
И вновь к нему из странствия вернусь
За то, что он испытывает холод,
За то, что он испытывает грусть,

За то, что он наполнен голосами,
За то, что там, к печали и добру,
С улыбкой на лице и со слезами
Ты с кораблем прощалась на ветру...

[1967]

ПОВЕСТЬ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Я тоже служил на флоте!
Я тоже памятью полн
О той бесподобной работе
На гребнях чудовищных волн.

Тобою — ах, море, море! —
Я взвинчен до самых жил,
Но, видно, себе на горе
Так долго тебе служил.

Любимая чуть не убилась, —
Ой, мама родная земля! —
Рыдая, о грудь мою билась,
Как море о грудь корабля.

В печали своей бесконечной,
Как будто вослед кораблю,
Шептала: «Я жду вас вечно!»,
Шептала: «Я вас люблю».

Люблю вас! Какие звуки!
Но звуки ни то ни се,
И где-то в конце разлуки
Забыла она про все.

Однажды с какой-то дороги
Отправила пару слов:
«Мой милый! Ведь так у многих
Проходит теперь любовь...»

И все же в холодные ночи
Печальней видений других —
Глаза ее, близкие очень,
И море, отнявшее их...

[1968]

НАСЛЕДНИК РОЗЫ

В саду, где пела радиола,
Где танцевали «Вальс цветов»,
Все глуше дом у частокола,
Все нелюдимей шум ветров.

Улыбка лета так знакомо
Опять сошла с лица земли!
И все уехали из дома
И радиолу увезли...

На огороде с видом жалким.
Как бы стыдясь за свой наряд,
Воронье пугало на палке
Торчит меж выкопанных гряд.

Порой тревожно — не до шуток! —
В рассветном воздухе седом
Мелькнет косяк последних уток
Над застывающим прудом.

Вот-вот подует зимним, снежным.
Все умирает... Лишь один
Пылает пламенем мятежным —
Наследник розы — георгин!
[1970]

В ГОРОДЕ

Как часто, часто, словно птица,
Душа тоскует по лесам!
Но и не может с тем не слиться,
Что человек воздвигнул сам!

Холмы, покрытые асфальтом
И яркой россыпью огней,
Порой так шумно славят альты,
Как будто нету их родней!

НА ГУЛЯНИИ

На меду, на браге да на финках
Расходились молнии и гром!
И уже красавицы в косынках
Неподвижно, словно на картинках,
Усидеть не в силах за столом.
Взяли ковш, большой и примитивный:
— Выпей с нами, смелая душа! —
Атаман, сердитый и активный,
Полетит под стол, как реактивный,
Сразу после этого ковша.
Будет он в постельной упаковке,
Как младенец, жалобно зевать,
От подушки, судя по сноровке,
Кулаки свои, как двухпудовки,
До утра не сможет оторвать...
И тогда в притихшем сельсовете,
Где баян бахвалится и врет,
Первый раз за множество столетий
Все пойдут, старательно, как дети,
Танцевать невиданный фокстрот.
• Что-то девки стали заноситься!
Что-то кудри стали завивать!
Но когда погода прояснится,
Все увидят: поле колосится!
И начнут частушки запевать...

НАД РЕКОЙ

Жалобно в лесу кричит кукушка
О любви, о скорби неизбежной...
Обнялась с подружкой подружка
И, вздыхая, жалуется нежно:
— Погрусти, поплачь со мной, сестрица.
Милый мой жалел меня не много.
Изменяет мне и не стыдится.
У меня на сердце одиноко...
— Может быть, еще не изменяет, —
Тихо ей откликнулась подружка, —
Это мой стыда совсем не знает,
Для него любовь моя — игрушка...

Прислонившись к трепетной осине,
Две подружки нежно целовались,
Обнимались, словно сиротинки,
И слезами горько обливались.

И не знали юные подружки,
Что для грусти этой, для кручины,
Кроме вечной жалобы кукушки,
Может быть, и не было причины.

Может быть, ребята собирались,
Да с родней остались на пирушке,
Может быть, ребята сомневались,
Что тоскуют гордые подружки.

И когда задремлет деревушка
И зажгутся звезды над потоком,
Не кричи так жалобно, кукушка!
Никому не будет одиноко...

1968

* * *

Г. Ф.

Ты просил написать о том,
Что здесь было
И что здесь стало.
...Я сейчас лежу под кустом,
Где тропинка берет начало.
Этот сад мне, как раньше, мил,
Но напрасно к одной блондинке
Я три года назад ходил
Вот по этой самой тропинке.
Я по ней не пойду опять,
Лишь злорадствую: «Где уж нам уж!»
Та блондинка хотела ждать,
Не дождалась...

И вышла замуж.
Все законно: идут года,
Изменяя нас и планету,
Там, где тополь шумел тогда,
Пень стоит...

А тополя нету.

ПЕРВОЕ СЛОВО

Холод, сосны, звезды в ноябре.
Поцелуи наши во дворе.
Как в тумане яркие огни,
В памяти сияют эти дни..

Вдруг, порывы юности поправ,
Стал моим диктатором устав, —
Отшумел волос девятый вал,
Штиль на голове,
в глазах — аврал.

Все же слово молодости
«ДОЛГ»,
То, что нас на флот ведет
и в полк,
Вечно будет, что там ни пиши,
Первым словом мысли и души!

НИЧЕГО НЕ СТАНУ ДЕЛАТЬ

Год пройдет...
 другой...
 а там уж —
Что тут много говорить? —
Ты, конечно, выйдешь замуж,
Будешь мужу суп варить.

Будет муж тобой гордиться,
И катать тебя в такси,
И вокруг тебя кружиться,
Как Земля вокруг оси.

Что ж? Мешать я вам не стану,
Буду трезв и буду брит,
Буду в дом носить сметану,
Чтобы дед лечил гастрит.

Ничего не стану делать,
Чтоб нарушить ваш покой.
На свиданье ночью белой.
Может быть, пойду с другой...

Так чего ж, забившись в угол,
Сузив желтые зрачки,
На меня твоя подруга
Мрачно смотрит сквозь очки?..

ВЕНЕРА

Где осенняя стужа кругом
Вот уж первым ледком прозвенела,
Там любовно над бедным прудом
Драгоценная блещет Венера!..

Жил однажды прекрасный поэт,
Да столкнулся с ее красотой.
И душа, излучавшая свет,
Долго билась с прекрасной звездою!

Но Венеры играющий свет
Засиял при своем приближенье,
Так, что бросился в воду поэт
И уплыл за ее отраженьем...

Старый пруд забывает с трудом,
Как боролись прекрасные силы,
Но Венера над бедным прудом
Доведет и меня до могилы!

Да еще в этой зябкой глуши
Вдруг любовь моя — прежняя вера —
Спать не даст, как вторая Венера
В небесах возбужденной души!

* * *

Меня звала моя природа.
Но вот однажды у пруда
Могучий вид маслозавода
Явился образом труда!
Там за подвоею подвода
Во двор ввозила молоко,
И шум, и свет маслозавода
Работу славил широко!

Как жизнь полна у бригадира!
У всех, кто трудится, полна,
У всех, кого встречают с миром
С работы дети и жена!
Я долго слушал шум завода —
И понял вдруг, что счастье тут:
Россия, дети и природа,
И кропотливый сельский труд!..

* * *

Осень! Летит по дорогам
Осени стужа и стон!
Каркает около стога
Стая озябших ворон.
Скользкой неровной тропею
В зарослях пасмурных ив
Лошадь идет с водопоя,
Голову вниз опустив.
Мелкий, дремотный, без меры,
Словно из множества сит,
Дождик знобящий и серый
Все моросит, моросит...
Живы, деревья и стены
В мокрых сетях полутьмы
Словно бы ждут перемены —
Чистой, веселой зимы!

* * *

Брал человек
Холодный, мертвый камень,
По искре высекал
Из камня пламень.
Твоя судьба
Не менее сурова —
Вот так же высекать
Огонь из слова!
Но труд ума,
Бессонницей больного, —
Всего лишь дань
За радость неземную:

В своей руке
Сверкающее слово
Вдруг ощутить,
Как молнию ручную!

*Ленинград
Май 1962*

В ГОСТЯХ

Трущобный двор. Фигура на углу.
Мерещится, что это Достоевский.
И желтый свет в окне без занавески
Горит, но не рассеивает мглу.
Гранитным громом грянуло с небес!
В безлюдный двор ворвался ветер резкий,
И видел я, как вздрогнул Достоевский,
Как тяжело ссутулился, исчез...

Не может быть, что это был не он!
Как без него представить эти тени,
И желтый свет, и грязные ступени,
И гром, и стены с четырех сторон!

Я продолжаю верить в этот бред,
Когда в свое притонное жилище
По коридору в страшной темнотище,
Отдав поклон, ведет меня поэт...

Куда меня, беднягу, занесло!
Таких картин вы сроду не видали,
Такие сны над вами не витали,
И да минует вас такое зло!

...Поэт, как волк, напьется натошак.
И неподвижно, словно на портрете,
Все тяжелей, сидит на табурете,
И все молчит, не двигаясь никак,

И перед ним, кому-то подражая
И суется, как все по городам,
Сидит и курит женщина чужая...
— Ах, почему вы курите, мадам!

Он говорит, что все уходит прочь,
И всякий путь оплакивает ветер,
Что страшный бред, похожий на медведя,
Его опять преследовал всю ночь.
Он говорит, что мы одних кровей,
И на меня указывает пальцем,
А мне неловко выглядеть страдальцем,
И я смеюсь, чтоб выглядеть живей...
Но все они опутаны всерьез
Какой-то общей нервной системой, —
Случайный крик, раздавшись над богемой,
Доводит всех до крика и до слез!
И думал я: «Какой же ты поэт,
Когда среди бессмысленного пира
Слышна все реже гаснущая лира,
И странный шум ей слышится в ответ?»...
И все торчит.
В дверях торчит сосед!
Торчат за ним разбуженные тетки!
Торчат слова!
Торчит бутылка водки!
Торчит в окне безрадостный рассвет!
Опять стекло оконное в дожде,
Опять туманом тянет и ознобом...

Когда толпа потянется за гробом,
Ведь кто-то скажет: «Он сгорел... в труде».

*Ленинград
9 июля 1962*

ШУТКА

Мое слово верное
 прозвенит!
Буду я, наверное,
 знаменит!
Мне поставят памятник
 на селе!
Буду я и каменный
 навеселе!..

1962

В ДОРОГЕ

Зябко в поле непросохшем,
Не с того ли детский плач
Все настойчивей и горше...
Запоздалый и продрогший
Пролетел над нами грач.
Ты да я, да эта крошка —
Мы одни на весь простор!
А в деревне у окошка
Ждет некормленная кошка
И про наш не знает спор.
Твой каприз отвергнув тонко,
Вижу: гнев тебя берет!
Наконец, как бы котенка,
Своего схватив ребенка,
Ты уносишься вперед.
Ты уносишься... Куда же?
Рай там, что ли? Погляди!
В мокрых вихрях столько блажи,
Столько холода в пейзаже
С темным домом впереди.
Вместе мы накормим кошку!
Вместе мы затопим печь!..
Молча глядя на дорожку,
Ты решаешь понемножку,
Что игра... не стоит свеч!

ЧТО ВСПОМНЮ Я?

Все движется к темному устью.
Когда я очнусь на краю,
Наверное, с резкою грустью
Я родину вспомню свою.

Что вспомню я? Черные бани
По склонам крутых берегов,
Как пели обозные сани
В безмолвии лунных снегов.

Как тихо суслоны пшеницы
В полях покидала заря,

И грустные, грустные птицы
Кричали в конце сентября.

И нехотя так на суслоны
Садилась, клевала зерно, —
Что зерна? Усталым и сонным,
Им было уже все равно.

Я помню, как с дальнего моря
Матроса примчал грузовик,
Как в бане повесился с горя
Какой-то пропащий мужик.

Как звонко, терзая гармошку,
Гуляли под топот и свист,
Какую чудесную брошку
На кепке носил гармонист...

А сколько там было щемящих
Всех радостей, болей, чудес,
Лишь помнят зеленые чащи
Да темный еловый лес!

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Ночью я видел:
Ломались березы!
Видел: метались цветы!
Гром, рассылающий
Гибель и слезы,
Всех настигал с высоты!
Как это странно
И все-таки мудро:
Гром роковой перенести,
Чтоб удивительно
Светлое утро
Встретить, как светлую весть!
Вспыхнул светящийся
Солнечный веер,
Дышат нектаром цветы,
Влагой рассеянной
Озеро веет,
Полное чистой воды!

Я переписывать не стану
Из книги Тютчева и Фета,
Я даже слушать перестану
Того же Тютчева и Фета,
И я придумывать не стану
Себя особого, Рубцова,
За это верить перестану
В того же самого Рубцова,
Но я у Тютчева и Фета
Проверю искреннее слово,
Чтоб книгу Тютчева и Фета
Продолжить книгою Рубцова!..

СКАЧЕТ ЛИ СВАДЬБА...

Скачет ли свадьба в глуши потрясенного бора,
Или, как ласка, в минуты ненастной погоды
Где-то послышится пение детского хора, —
Так — вспоминаю — бывало и в прежние годы!

Вспыхнут ли звезды — я вспомню, что прежде блистали
Эти же звезды. А выйду случайно к парому, —
Прежде — подумаю — эти же весла плескали...
Будто о жизни и думать нельзя по-другому!

Ты говоришь, говоришь, как на родине лунной
Снег освещенный летел вороному под ноги,
Как без оглядки, взволнованный, сильный и юный,
В поле открытое мчался ты вниз по дороге!

Верил ты в счастье, как верят в простую удачу,
Слушал о счастье младенческий говор природы, —
Что ж, говори! Но не думай, что, если заплачу,
Значит, и сам я жалею такие же годы.

Грустные мысли наводит порывистый ветер.
Но не об этом. А вспомнилось мне, что уныло
Прежде не думал: «Такое, мне помнится, было!»
Прежде храбрился: «Такое ли будет на свете!»

Вспыхнут ли звезды — такое ли будет на свете! —
Так говорил я. А выйду случайно к парому, —
«Скоро, — я думал, — разбудят меня на рассвете,
Как далеко уплыву я из скучного дому!..»

О, если б завтра подняться, воспрянувши духом,
С детскою верой в бессчетные вечные годы,
О, если б верить, что годы покажутся пухом, —
Как бы опять обманули меня пароходы!..

ПО ВЕЧЕРАМ

С моста идет дорога в гору.
А на горе — какая грусть! —
Лежат развалины собора,
Как будто спит бывлая Русь.

Бывлая Русь! Не в те ли годы
Наш день, как будто у груди,
Был вскормлен образом свободы,
Всегда мелькавшей впереди!

Какая жизнь отликовала,
Отгоревала, отошла!
И все ж я слышу с перевала,
Как веет здесь, чем Русь жила.

Все так же весело и властно
Здесь парни ладят стремяна,
По вечерам тепло и ясно,
Как в те былые времена...

ГОСТЬ

Гость молчит,
и я — ни слова!
Только руки говорят.
По своим стаканам снова
Разливают все подряд.

Красным,
 белым
 и зеленым
Мы поддерживаем жизнь.
Взгляд блуждает по иконам,
Настроенье — хоть женись!

Я молчу, я слышу пенье,
И в прокуренной груди
Снова слышу я волненье:
Что же, что же впереди?

Как же так —
 скажи на милость! —
В наши годы, милый гость,
Все прошло и прокатилось,
Пролетело, пронеслось?

Красным,
 белым
 и зеленым
Нагоняем сладкий бред...
Взгляд блуждает по иконам...
Неужели бога нет?

ДЕВОЧКА ИГРАЕТ

Девочка на кладбище играет,
Где кусты лепечут, как в бреду.
Смех ее веселый разбирает,
Безмятежно девочка играет
В этом пышном радостном саду.
Не любуйся этим пышным садом!
Но прими душой, как благодать,
Что такую крошку видишь рядом,
Что под самым грустным нашим взглядом
Все равно ей весело играть!..

Огороды русские
под холмом седым.
А дороги узкие,
тихие, как дым.
Солнышко осоковое
брызжет серебром.
Чучело гороховое
машет рукавом...
До свиданья, пугало,
огородный бог! —
душу убаюкала
пыль твоих дорог...

НА ОЗЕРЕ

Светлый покой
Опустился с небес
И посетил мою душу!
Светлый покой,
Простираясь окрест,
Воды объемлет и сушу...
О, этот светлый
Покой-чародей!
Очарованием смелым
Сделай меж белых
Своих лебедей
Черного лебедя — белым!

ДАЛЕКОЕ

Лети, мой отчаянный парус!
Не знаю, насколько смогу,
Чтоб даже тяжелая старость
Меня не согнула в дугу!

Но выплывут, словно из дыма,
И станут родней и больней
Стрелой пролетевшие мимо
Картины отроческих дней...

Запомнил я снег и салазки,
Метельные взрывы снегов,
Запомнил я песни и пляски
Нарядных больших мужиков,

Запомнил суслоны пшеницы,
Запомнил, как чахла заря
И грустные, грустные птицы
Кричали в конце сентября.

А сколько друзей настоящих,
А сколько там было чудес,
Лишь помнят сосновые чащи
Да темный еловый лес!..
[1970]

ГРОЗА

Поток вскипел
и как-то сразу прибыл!
По небесам, сверкая там и тут,
Гремело так, что каменные глыбы
Вот-вот, казалось,
с неба упадут!
И вдруг я встретил
рухнувшие липы,
Как будто, хоть не видел их никто,
И впрямь упали каменные глыбы
И сокрушили липы...
А за что?

ДОРОЖНАЯ ЭЛЕГИЯ

Дорога, дорога,
Разлука, разлука.
Знакома до срока
Дорожная мука.

И отчее племя,
И близкие души,
И лучшее время
Все дальше, все глуше.

Лесная сорока
Одна мне подруга.
Дорога, дорога,
Разлука, разлука.

Устало в пыли
Я влачусь, как острожник,
Темнеет вдали,
Приуныл подорожник,

И страшно немного
Без света, без друга,
Дорога, дорога,
Разлука, разлука...

СЕНТЯБРЬ

Слава тебе, поднебесный
Радостный краткий покой!
Солнечный блеск твой чудесный
С нашей играет рекой,

С рощей играет багряной,
С россыпью ягод в сених,
Словно бы праздник нагрянул
На златогривых конях!

Радуюсь громкому лаю,
Листьям, корове, грачу,
И ничего не желаю,
И ничего не хочу!

И никому не известно
То, что, с зимой говоря,
В бездне таится небесной
Ветер и грусть октября...

ОСЕННИЙ ЭТЮД

Утром проснешься на чердаке,
Выглянешь — ветры свистят!
Быстрые волны бегут по реке,
Мокнет, качается сад.

А голос был все глуше, тише,
Жизнь угасала навсегда,
И стало слышно, как над крышей
Тоскливо воют провода...

ЗИМНИМ ВЕЧЕРКОМ

Ветер, не ветер —
Иду из дома!
В хлеву знакомо
Хрустит солома,
И огонек светит...

А больше —
 ни звука!
Ни огонечка!
Во мраке вьюга
Летит по кочкам...

Эх, Русь, Россия!
Что звону мало?
Что загрустила?
Что задремала?

Давай пожелаем
Всем доброй ночи!
Давай погуляем!
Давай поохочем!

И праздник устроим,
И карты раскроем...
Эх! Козыри свежи.
А дураки те же,

НЕИЗВЕСТНЫЙ

Он шел против снега во мраке,
Бездомный, голодный, больной.
Он после стучался в бараки
В какой-то деревне лесной.

Его не пустили. Тупая
Какая-то бабка в упор
Сказала, к нему подступая:
— Бродяга. Наверное, вор...

Он шел. Но угрюмо и грозно
Белели снега впереди!
Он вышел на берег морозной,
Безжизненной, страшной реки!

Он вздрогнул, очнулся и снова
Забылся, качнулся вперед...
Он умер без крика, без слова,
Он знал, что в дороге умрет.

Он умер, снегами отпетый...
А люди вели разговор
Все тот же, узнавши об этом:
— Бродяга. Наверное, вор.

УГРЮМОЕ

Я вспомнил
 угрюмые волны,
Летающие мимо и прочь!
Я вспомнил угрюмые молы,
Я вспомнил угрюмую ночь.
Я вспомнил угрюмую птицу,
Взлетевшую
 жертву стеречь.
Я вспомнил угрюмые лица,
Я вспомнил угрюмую речь.
Я вспомнил угрюмые думы,
Забывшие мною уже...
И стало угрюмо, угрюмо
И как-то спокойно душе.

НОЧНОЕ

Если б мои не болели мозги,
Я бы заснуть не прочь.
Рад, что в окошке не видно ни зги, —
Ночь, черная почь!

В горьких невзгодах прошедшего дня
Было порой невмочь.
Только одна и утешит меня —
Ночь, черная ночь!
Грустному другу в чужой стороне
Словом спешил я помочь.
Пусть хоть немного поможет и мне
Ночь, черная ночь!
Резким, свистящим своим помелом
Вьюга гнала меня прочь.
Дай под твоим я погреюсь крылом,
Ночь, черная ночь!

* * *

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы.
А весною ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!
Из мой затопленной могилы
Гроб всплывет, забытый и унылый,
Разобьется с треском,
и в потемки
Уплывут ужасные обломки.
Сам не знаю, что это такое...
Я не верю вечности покоя!

1970

* * *

Село стоит
На правом берегу,
А кладбище —
На левом берегу.
И самый грустный все же
И нелепый
Вот этот путь,
Вепчающий борьбу
И все на свете, —
С правого.
На левый,
Среди цветов
В обыденном гробу...

* * *

Мы сваливать
 не вправе
Вину свою на жизнь.
Кто едет,
 тот и правит,
Поехал, так держись!
Я повода оставил.
Смотрю другим вослед.
Сам ехал бы
 и правил,
Да мне дороги нет...

* * *

Я люблю судьбу свою,
Я бегу от помрачений!
Суну морду в полынью
И напыюсь,
Как зверь вечерний!
Сколько было здесь чудес,
На земле святой и древней,
Помнит только темный лес!
Он сегодня что-то дремлет.
От заснеженного льда
Я колени поднимаю,
Вижу поле, провода,
Все на свете понимаю!
Вон Есенин —
 на ветру!
Блок стоит чуть-чуть в тумане.
Словно лишний на пиру
Скромно Хлебников шаманит.
Неужели и они —
Просто горестные тени?
И не светят им огни
Новых русских деревенок?
Неужели
 в свой черед
Надо мною смерть нависнет, —
Голова, как спелый плод,
Отлетит от веток жизни?

Все умрем.
Но есть резон
В том, что ты рожден поэтом,
А другой — жнецом рожден...
Все уйдем.
Но суть не в этом...

ЭЛЕГИЯ

Отложу свою скудную пищу
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой.

Пусть еще всевозможное благо
Обещают на той стороне.
Не купить мне избу над сврагом
И цветы не выращивать мне...

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В КОММЕНТАРИЯХ

- ВК — газета «Вологодский комсомолец», орган Вологодского обкома ВЛКСМ
КС — газета «Красный Север», орган Вологодского обкома КПСС и облисполкома
МГ — журнал «Молодая гвардия»
НС — журнал «Наш современник»
СМ — журнал «Сельская молодежь»

КОММЕНТАРИИ

Настоящий сборник не является полным собранием стихотворений Н. М. Рубцова, а представляет собою избранное поэта. Четыре небольшие книжки в Москве и Архангельске общим тиражом сорок три тысячи экземпляров — вот все, что он увидел при жизни. Это «Лирика» (Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965), «Звезда полей» (М.: Сов. писатель, 1967), «Душа хранит» (Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1969), «Сосен шум» (М.: Сов. писатель, 1970). Закончить подготовку следующей книги поэт не успел, и сборник «Зеленые цветы» вышел посмертно.

С тех пор издано восемнадцать книг Николая Рубцова, в том числе наиболее полные из них — «Подорожники» (М.: Мол. гвардия, 1976), «Стихотворения» (М.: Сов. Россия, 1977), «Избранное» (М.: Худ. литература, 1982) «Лирика» (М.: Современник, 1984). Сохранилось более трехсот стихотворений Н. М. Рубцова и пятнадцать переводов из Хазби Дзаболова, с осетинского. Часть из них до сих пор остаются неопубликованными (по преимуществу это ранние стихи поэта).

В работе по выявлению утраченных и поиску неизвестных стихотворений Рубцова много сделали литературовед В. Кожин — автор первой книжки о поэте и его лирике, и поэт В. Коротаев. При составлении новых сборников Рубцова, включающих как ранее опубликованные, так и неизданные стихотворения, сохранившиеся в архиве поэта, составители столкнулись со сложной проблемой датировки произведений. К настоящему времени найдены новые материалы (стихотворения, письма и т. д.), опубликована книга воспоминаний

о поэте («Воспоминания о Рубцове», Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983). Однако и теперь установить с точностью время создания многих стихотворений Н. М. Рубцова не представляется возможным.

Большой удачей для нас явилось то, что сохранился машинописный сборник стихотворений Николая Рубцова «Волны и скалы». Сборничку, составленному из восьми разделов, предпослано «Вступительное слово от автора». А разделы «Салют морю», «Долина детства», «Звукописные миниатюры», «Ах, что я делаю?», «Ветры поэзии» отражают и биографию поэта, и направленность его стихотворений.

Среди произведений этого сборника есть и такие, что по праву считаются теперь шедеврами лирики Николая Рубцова.

Все тридцать восемь стихотворений этой неизданной книжки датировал сам Рубцов. Иногда указывается не только год, месяц, но даже день и место создания стихотворения. Часть произведений из этого сборника публиковалась при жизни поэта (без датировки), иногда с авторской правкой, в других случаях — первоизданно. В настоящий сборник включено несколько стихотворений из рукописи «Волны и скалы» с сохранением авторской датировки.

Кроме того, в архиве Б. И. Тайгина сохранился ряд стихотворений Н. Рубцова, датированных поэтом; в основном это стихи, написанные осенью 1957 года в Приютино, где молодой поэт жил во время отпуска со службы на Северном флоте.

Сохранился и еще один авторизованный документ: подборка из девятнадцати стихотворений Николая Рубцова, подготовленных им для обсуждения на литобъединении, приложенные к ним машинописи еще четырех стихотворений и записка поэта (от руки) к машинистке, датированная 3 мая 1962 года.

Среди этих стихотворений есть и такие, что повторились вскоре в сборнике «Волны и скалы», есть и другие: «Не пришла», «Затученное, с прозеленью небо...», «Гора любви среди полей...», «Долина детства», «Мой чинный двор зажат в заборы...», «Сергей Есенин», «Брал человек холодный, мертвый камень...», «Соловьи», «Пусть поют поэты!». Ясно, что эти стихотворения созданы ранее мая 1962 года; дата указывается как условная и поэтому заключена в скобки.

К сожалению, в прижизненных сборниках Николая Рубцова датировка стихотворений, за исключением совсем немногих случаев («Деревенские ночи», «Первый снег»), отсутствует, и это значительно усложняет работу. Тем более усложняет, что далеко не всегда стихи Рубцова публиковались вскоре после их создания. В большинстве случаев пришлось датировать стихотворения по первым публикациям, — в ранних коллективных сборниках и альманахах, в газетах и журналах, наконец, в прижизненных книжках.

Впервые стихи Н. Рубцова были опубликованы в сборнике «На страже Родины любимой» (1958) и альманахе «Полярное сияние» (1959) — изданиях литературного объединения Северного флота. Некоторые из них вошли в настоящий сборник: «Море», «Возвращение». В Ленинграде стихи Рубцова печатались не только в газетах, но и в сборнике «Первая плавка» (1961), где поэт представлен стихотворениями «В кочегарке», «Впечатление детства» («Помню, как тропкой, едва заметной...»), «Желание», «Утро на море», «Портовые ночи». Сборник сдан в набор 2 августа 1960 года. — этим годом и отмечены нами стихи Н. Рубцова.

Множество стихотворений Николая Рубцова напечатано в сб-

Твои огни, погосты и молитвы,
Твои иконы,
 бунты бедноты,
и твой степной
 бунтарский
 свист разбоя,
люблю твои священные цветы,
люблю навек,
 до вечного покоя....

СТАРЫЙ КОНЬ. Сб. «Лирика»; первоначальный вариант сборника «Волны и скалы» начинался с третьей строфы окончательного текста и содержал еще одну:

Все небо
звездным пологом
светилось.
А ему
казался волок
волоком,
запутанным во тьму.

«О ЧЕМ ШУМЯТ...». ВК (30.VI.63); позже «Октябрь» (1965, № 10) и сб. «Лирика».

ОСЬ, Сб. «Лирика».

«ЗАГОРОДИЛ МЮ ДОРОГУ...». «Юность» (1964, № 6); первоначальный вариант со значительными разночтениями — в сб. «Волны и скалы»;

Загородил мою дорогу
грузовика широкий зад.
И я подумал: слава богу, —
село не то, что год назад!
Теперь в полях везде машины
И не видать худых кобыл.
Один лишь древний дух крушины
все так же горек, как и был.
Да, я подумал: «Слава богу!»
Но бог-то тут при чем опять?
Уж нам пора бы понемногу
от мистицизма отвыкать.
Давно в гробу цари и боги!
И дело в том — наверняка —
что с треском нынче демагоги
летят из Главков и ЦэКа!

РОДНАЯ ДЕРЕВНЯ. ВК (II.X.64); позже сб. «Лнрика».

МАЧТЫ. ВК (10.II.65); позже сб. «Лирика».

НА СЕНОКОСЕ. ВК (12.VII.64) под названием «Вечер на сенокосе»; позже сб. «Лирика».

ХЛЕБ. МГ (1964, № 6); в книге «Последний пароход» (1973) — посмертно.

«СТИХИ ИЗ ДОМА ГОНЯТ НАС...». Сб. «Лирика».

ТИХАЯ МОЯ РОДИНА. ВК (10.X.65); позже «Октябрь» (1965, № 10) и сб. «Лирика».

ПРИЕЗД ТЮТЧЕВА; ДУЭЛЬ; О ПУШКИНЕ; ФАЛЬШИВАЯ КОЛОДА; «У СГНИВШЕЙ ЛЕСНОЙ ИЗБУШКИ...». Сб. «Лирика». «Я БУДУ СКАКАТЬ ПО ХОЛМАМ ЗАДРЕМАВШЕЙ ОТЧИЗНЫ...». «Октябрь» (1964, № 8); позже сб. «Звезда полей».

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ. Сб. «Лирика».

НОЧЬ НА ПЕРЕВОЗЕ. Сб. «Звезда полей».

УЛЕТЕЛИ ЛИСТЬЯ. «Юность» (1964, № 6); позже сб. «Звезда полей».

«САПОГИ МОИ — СКРИП ДА СКРИП...». «Октябрь» (1965, № 10); сб. «Лирика» (под названием «Таковы на Руси леса» и с посвящением другу поэта, ныне писателю С. Багрову).

«ПО МОКРЫМ СКВЕРАМ...». Сб. «Сосен шум»; датировано на основании воспоминаний Б. Чулкова и Н. Ливнева.

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ. Сб. «Лирика» (в сокращении); позже сб. «Звезда полей».

ФИЛОСОФСКИЕ СТИХИ. Сб. «Последний паром», посмертно; датировано на основании писем Н. Рубцова к С. Вилкулову и С. Багрову.

РУССКИЙ ОГОНЕК. «Октябрь» (1964, № 8); в сб. «Лирика» сокращенный вариант под названием «Хозяйка».

ПАМЯТИ МАТЕРИ. «Октябрь» (1965, № 10); позже сб. «Звезда полей».

УТРО. «Октябрь» (1965, № 10); позже сб. «Звезда полей».

ЦВЕТЫ. ВК (10.II.65); позже сб. «Звезда полей».

ЖАР-ПТИЦА. ВК (10.X.65); позже сб. «Звезда полей».

В ГОРНИЦЕ. ВК (10.II.65); позже «Юность» (1966, № 6) и сб. «Звезда полей».

ПРОЩАЛЬНЫЙ КОСТЕР. ВК (10.X.65); позже сб. «Звезда полей».

ЖУРАВЛИ. ВК (10.X.65); позже сб. «Звезда полей».

В ОСЕННЕМ ЛЕСУ. Сб. «Звезда полей» (под названием «В лесу»); настоящее название появилось в книге «Сосен шум».

ВЕЧЕРНЕЕ ПРОИСШЕСТВИЕ. «Октябрь» (1965, № 10); позже сб. «Звезда полей».

НА ВОКЗАЛЕ. «Октябрь» (1965, № 10); сб. «Звезда полей».

ОСЕННИЕ ЭТЮДЫ. СМ (1966, № 8); позже сб. «Звезда полей»; датировано на основании письма Н. Рубцова С. Вилкулову.

КРУЖУСЬ ЛИ Я... — посмертно сб. «День поэзии», М., 1972.

Датировано на основании писем Н. Рубцова другу В. Елсину, ныне писателю.

ПО ДРОВА. ВК (29.I.69); позже НС (1969, № 9) и сб. «Душа хранит».

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ. ВК (10.II.65); позже «Юность» (1969, № 9) и сб. «Душа хранит».

ЗИМОВЬЕ НА ХУТОРЕ. Сб. «Звезда полей».

ГРАНИ. «Знамя» (1966, № 6); позже сб. «Звезда полей».

«В СВЯТОЙ ОБИТЕЛИ ПРИРОДЫ...»; МЕДВЕДЬ; «ВЕТЕР ВСХЛИПЫВАЛ, СЛОВНО ДИТЯ...»; «В ПОЛЯХ СВЕРКАЛО, БЛИЗИЛАСЬ ГРОЗА...»; НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ; АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТOK; ПРИРОДА; ПОЛНОЧНОЕ ПЕНЬЕ; ОДНАЖДЫ; «ПРЕКРАСНО НЕБО ГОЛУБОЕ!...». Сб. «Звезда полей».

«ОКОШКО. СТОЛ. ПОЛОВИКИ...». «Знамя» (1966, № 6); позже сб. «Звезда полей».

ПРОМЧАЛАСЬ ТВОЯ ПОРА! Сб. «Звезда полей».

В МИНУТЫ МУЗЫКИ. ВК (2.IV.67); позже сб. «Звезда полей».

НА РОДИНУ!; ЖАРА; «УЕДИНИВШИСЬ ЗА ОКОНЦЕМ...»; ДУША ХРАНИТ; Сб. «Звезда полей».

«А МЕЖДУ ПРОЧИМ, ОСЕНЬ НА ДВОРЕ...». «Юность» (1966, № 6); позже сб. «Звезда полей».

НАГРЯНУЛИ; «СЕДЬМЫЕ СУТКИ ДОЖДЬ НЕ УМОЛКАЕТ...» Сб. «Звезда полей».

НА РЕКЕ СУХОНЕ. ВК (28.IX.66); позже сб. «Звезда полей». ОСТРОВА СВОИ ОБОГРЕВАЕМ; «НАСЛАЖДАЯСЬ ВЕТРОМ РЕЗКИМ...»; ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ; ОСЕННЯЯ ЛУНА. Сб. «Звезда полей».

«СИБИРЬ, КАК БУДТО НЕ СИБИРЬ!..» Сб. «Подорожники». ВЕСНА НА БЕРЕГУ БИИ. ВК (16.VII.71); позже сб. «Последний пароход».

В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ. ВК (02.VII.67); МГ (1968, № 3); позже сб. «Душа хранит».

ШУМИТ КАТУНЬ. «Коммунист» (Череповец; 2.V.67); «Правда» (8.XII.67); позже сб. «Душа хранит».

СТАРАЯ ДОРОГА. ВК (02.IV.67); позже сб. «Звезда полей»; датировано на основании писем Н. Рубцова А. Романову и Л. Мелкову.

ЯНВАРСКОЕ. КС (01.01.68); «Север» (1969, № 5); позже сб. «Душа хранит».

ПАМЯТИ АНЦИФЕРОВА. ВК (02.VII.67 под названием «Памяти друга»); позже сб. «Звезда полей».

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ. КС (04.01.68 под названием «Памяти Кедрина»), МГ (1969, № 1); позже сб. «Сосен шум».

СИНЕНЬКИЙ ПЛАТОЧЕК. ВК (03.IX.67); «Юность» (1968, № 3); сб. «Душа хранит».

ИДЕТ ПРОЦЕССИЯ. ВК (02.VII.67 под названием «Памяти друга»); сб. «Сосен шум».

В ГОРНОЙ ДОЛИНЕ. ВК (02.IV.67); сб. «Звезда полей».

ДЕТСТВО. ВК (20.X.67); «Правда» (08.XII. 67); сб. «Душа хранит».

СОСЕН ШУМ. «Волна» (с. Вашки; 21.IX.67 под названием «Липин Бор»); по воспоминаниям В. Елесина, тогда редактора районной газеты, написано летом того же года в с. Липин Бор; «Октябрь» (1969, № 3); затем сб. «Душа хранит».

ГУЛЯЕВСКАЯ ГОРКА. МГ (1968, № 3); написано тогда же в селе Липин Бор (горка с таким именем есть в Вашкинском районе); позже сб. «Душа хранит».

ВЗГЛЯНУЛ НА КУСТИК. ВК (22.XII.67); МГ (1968, № 3); затем сб. «Сосен шум».

ОТПЛЫТИЕ. ВК (03.IX.67); МГ (1968, № 3); затем сб. «Душа хранит».

ПО ДОРОГЕ ИЗ ДОМА. — Сб. «Избранная лирика» /Сев.-Зап. кн. изд., 1974/.

НОЧЬ НА РОДИНЕ. ВК (02.VII.67); «Юность» (1968, № 3); потом в сб. «Душа хранит».

В СТАРОМ ПАРКЕ. ВК (20.X.67); МГ (1968, № 3); сб. «Сосен шум».

КУПАВЫ. ВК (03.IX.67); «Юность» (1968, № 3); сб. «Душа хранит».

В ЛЕСУ. Сб. «Звезда полей».

СТАРИК. «Сокольская правда» (18.XI.67); сб. «Сосен шум».

ЭКСПРОМТ. ВК (02.VII.67); сб. «Сосен шум».

ПАЛЬМЫ ЮГА. ВК (29.01.69); НС (1970, № 1); сб. «Душа хранит».

ЗЕЛЕННЫЕ ЦВЕТЫ. ВК (03.IX.67); МГ (1968, № 3); сб. «Душа хранит».

ВОЛНУЕТСЯ ЮЖНОЕ МОРЕ. КС (03.01.68); затем сб. «Подорожники».

ПОСВЯЩЕНИЕ ДРУГУ. КС (04.01.68 под названием «Другу»); «Октябрь» (1969, № 3); затем сб. «Душа хранит».

О МОСКОВСКОМ КРЕМЛЕ. ВК (17.XI.68); МГ (1969, № 1); сб. «Душа хранит».

ПРОЩАЛЬНОЕ. НС (1968, № 11); сб. «Душа хранит».

ТОСТ. НС (1971, № 6, под названием «За Вологду, землю родную...»); создано экспромтом по просьбе А. Я. Яшина в 1967 году, впервые вошло в сб. «Последний пароход».

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ. МГ (1971, № 6); сб. «Зеленые цветы».

ПО ДОРОГЕ К МОРЮ. ВК (09.VIII.68); НС (1969, № 9); сб. «Сосен шум».

В ПУСТЫНЕ. ВК (09.VIII.68); НС (1968, № 11); сб. «Сосен шум».

НА АВТОТРАССЕ. ВК (09.XII.68); МГ (1969, № 1); сб. «Сосен шум».

В ИЗБЕ. ВК (09.VIII.68); «Север» (1969, № 5); сб. «Подорожники».

ЛАСТОЧКА. ВК (17.XI.68); НС (1969, № 9); сб. «Душа хранит».

ВО ВРЕМЯ ГРОЗЫ. ВК (17.XI.68); «Октябрь» (1969, № 3); «День поэзии-69» (М.); сб. «Душа хранит».

В ГЛУШИ. ВК (09.VIII.68); сб. «Сосен шум».

У РАЗМЫТОЙ ДОРОГИ... «День поэзии-68» (М.); сб. «Зеленые цветы».

НА НОЧЛЕГЕ. ВК (17.XI.68); МГ (1969, № 1); сб. «Душа хранит».

ДО КОНЦА. «Октябрь» (1969, № 3); сб. «Душа хранит».

РАЗБОЙНИК ЛЯЛЯ (Лесная сказка). СМ (1971, № 9); летом 1968 года Н. Рубцов ездил на Ветлугу и, на основании услышанных там сказаний, уже в августе-сентябре того же года в д. Тимониха у В. И. Белова написал эту поэму-сказку, увидевшую свет лишь посмертно сначала в журнале, а потом в сб. «Подорожники».

ПОЕЗД. КС (19.VII.70); сб. «Сосен шум».

ВОРОБЕЙ; СЛЕЗ НЕ ЛЕЙ... Сб. «Сосен шум».

ПРО ЗАЙЦА. ВК (31.VIII.68); НС (1969, № 9); сб. «Сосен шум».

ПОДОРОЖНИКИ. Сб. «Душа хранит».

«ПО ХОЛОДНОЙ ОСЕННЕЙ РЕКЕ...»; ТОТ ГОРОД ЗЕЛЕНЫЙ... ВК (31.VIII.69); сб. «Сосен шум».

ВОЛОГОДСКИЙ ПЕЙЗАЖ. ВК (17.XI.68 под названием «Городской пейзаж»); «День поэзии Севера» («Карелия», 1970); сб. «Сосен шум».

ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД. «Север» (1969, № 5); сб. «Душа хранит».

ПОЭЗИЯ. ВК (31.VIII.68); НС (1969, № 9); сб. «Сосен шум».

НОЧНОЕ ОЩУЩЕНИЕ. «Октябрь» (1969, № 3, без названия); сб. «Душа хранит».

ПЕСНЯ. КС (11.I.70); сб. «Сосен шум».

ЛИСТЬЯ ОСЕННИЕ. «Сов. мысль» (В. Устюг, 6.VI.70); МГ (1970, № 9); сб. «Сосен шум».

У ЦЕРКОВНЫХ БЕРЕЗ. ВК (29.01.69 под названием «У старых берез»); НС (1969, № 9); сб. «Сосен шум» (под названием «У знакомых берез»). В настоящем сборнике дано наиболее дорогое автору название стихотворения.

ВЕЧЕРНИЕ СТИХИ. НС (1969, № 9); сб. «Душа хранит».

НАСТУПЛЕНИЕ НОЧИ. Сб. «Душа хранит».

БЕССОННИЦА. ВК (31.VIII.69); сб. «Душа хранит».

ЗИМНЯЯ НОЧЬ. Сб. «Сосен шум».

ДАЛЕКОЕ «Где выюга полночным набегом...» ВК (04.IV.71); НС (1971, № 6).

ГОЛОЛЕДИЦА. КС (11.I.70); сб. «Сосен шум».

ВЫПАЛ СНЕГ. ВК (01.I.70).

ПРИВЕТ, РОССИЯ... ВК (28.XII.69); сб. «Душа хранит».

ИВА. МГ (1970, № 9; без названия); «День поэзии» (М.: «Сов. Россия», 1972); сб. «Душа хранит».

ЦВЕТОК И НИВА. Сб. «Душа хранит».

«УЖЕ ДЕРЕВНЯ ВСЯ В ТЕНИ...». «Лит. Россия» (25.IX.70); «День поэзии» (М.: Сов. писатель, 1971); сб. «Зеленые цветы».

ФЕРАПОНТОВО. КС (19.IX.70); «День поэзии» (М.: Сов. писатель, 1971); сб. «Зеленые цветы».

СУДЬБА. «Сов. мысль» (06.VI.70); НС (1971, № 6); сб. «Зеленые цветы».

«В ЖАРКОМ ТУМАНЕ ДНЯ...». «День поэзии» (М.: Сов. писатель, 1969); сб. «Сосен шум».

СТОИТ ЖАРА. Сб. «Зеленые цветы».

ПОД ВЕТВЯМИ БОЛЬНИЧНЫХ БЕРЕЗ. КС (29.IX.69 под названием «У ветвистых берез»); НС (1971, № 6); «День поэзии Севера» (1971, под названием «В больнице»); сб. «Зеленые цветы».

РАСПЛАТА. Сб. «Сосен шум».

ПАМЯТНЫЙ СЛУЧАЙ. «Москва» (1971, № 7); сб. «Зеленые цветы».

СВИДАНИЕ. Сб. «Зеленые цветы».

ЗАЧЕМ? КС (30.IV.71); «Лит. Россия» (04.VII.71); сб. «Зеленые цветы».

«О ЧЕМ ПИСАТЬ?...» ВК (16.VI.71); МГ (1971, № 6); сб. «Зеленые цветы».

ТАИНА. КС (26.II.71); «Москва» (1971, № 7); сб. «Зеленые цветы».

II

ДЕРЕВЕНСКИЕ НОЧИ. Сб. «Лирика». Первое из известных, датированных автором, стихотворений Н. Рубцова.

ПЕРВЫЙ СНЕГ. ВК (28.XII.69); сб. «Сосен шум».

ВОСПОМИНАНИЕ. Сб. «Подорожники».

ЭКСПРОМТ. Сохранилось в рукописи «Волны и скалы»; опубликовано в сб. «Подорожники».

«В ТВОИХ ГЛАЗАХ...» «День поэзии Севера» (1971).

БЕРЕЗЫ. КС (26.II.71); МГ (1971, № 6); впервые в сб. «Волны и скалы», в предисловии к которому Н. Рубцов определил это стихотворение как «психологическое» для него, почему, видимо, и не публиковал при жизни.

О СОБАКАХ. ВК (22.XII.67); «Север» (1971, № 6); сб. «Подорожники».

ВЕСНА НА МОРЕ. «Лит. Россия» (04.VII.71); впервые колл.

сб. «На страже родины любимой» (1958) под названием «Май пришел»; сб. «Избранная лирика».

«ВРЕДНАЯ, НЕВЕРНАЯ, НАВЕРНО...». «День поэзии» (Л., 1972); позже сб. «Избранное» (М.: «Худож. литература», 1982).

МОРЕ. Альм. «Полярное сияние» (1959, № 2); позже сб. «Избранное».

ВОЗВРАЩЕНИЕ. Альм. «Полярное сияние»; позже сб. «Избранное».

УТРО НА МОРЕ. «Лнт. Россия» (04.VII.71); сб. «Избранная лирика».

В КОЧЕГАРКЕ. Сб. «Первая плавка» (Л., 1961); ВК (20.X.67); «Поэзия» (альм., вып. 17, 1976); сб. «Подорожники».

«ПОМНЮ, КАК ТРОПКОЙ...». Сб. «Первая плавка»; сб. «Лирика».

ЛЕВИТАН. Сб. «Первая плавка»; сб. «Лирика» (под названием «Левитану»).

НА ПЕРЕВОЗЕ. Сб. «Избранное».

РАЗЛАД. Сб. «Волны и скалы»; сб. «Сосен шум».

«Я ЗАБЫЛ, КАК ЛОШАДЬ ЗАПРЯГАЮТ...». Сб. «Волны и скалы»; «Юность» (1964, № 6); сб. «Подорожники».

УТРО УТРАТЫ. Сб. «Волны и скалы»; позже сб. «Лирика».

ДОБРЫЙ ФИЛЯ. Сб. «Волны и скалы»; «Октябрь» (1965, № 10); сб. «Лирика».

УТРО ПЕРЕД ЭКЗАМЕНОМ. Сб. «Волны и скалы»; посмертно «День поэзии» (Л., 1972) и сб. «Подорожники».

«ЭХ, КОНЯ ДА УДАЛЬ АЗИАТА...». Сб. «Волны и скалы»; посмертно в сб. «Подорожники».

В ОКЕАНЕ. Сб. «Волны и скалы»; посмертно «День поэзии» (Л., 1972) и сб. «Подорожники».

СТО «НЕТ!». Сб. «Волны и скалы»; посмертно в сб. «Подорожники».

ФИАЛКИ. Сб. «Волны и скалы»; посмертно «Поэзия» (альм., вып. 26, М., 1974) и сб. «Подорожники».

«Я ВЕСЬ В МАЗУТЕ, ВЕСЬ В ТАВОТЕ...». Сб. «Волны и скалы»; «Лнт. Россия» (20.XII.63); позже в журнале «Юность» (1964, № 6) с произвольной редакторской правкой и в сб. «Лирика», в котором, в отличие от текста сб. «Звезда полей», вторая строфа звучала так:

Я помню мол в огне заката,
Когда на несколько минут
В тельняшках флотские ребята,
Как тигры, вышли из кают.

«СТАРПОМЫ ЖДУТ СВОИХ МАТРОСОВ...». Сб. «Волны и скалы»; посмертно в сб. «Подорожники».

ЭЛЕГИЯ. Открывает сб. «Волны и скалы», дается с посвящением брату Алику и датируется мартом 1962 года; В. Сафонов ссылается в своих воспоминаниях на это стихотворение как уже существующее в 1957 году, что вполне вероятно; впервые опубликовано в сб. «Звезда полей».

КУДА ПОЛЕТИМ? ВК (31.VIII.69); сб. «Последний пароход».

ВЕТЕР С НЕВЫ. Посмертно КС (19.01.72) и сб. «Избранное».

«ПОРА ЛЮБВИ СРЕДИ ПОЛЕЙ...». Стихотворение вошло в рукопись для литобъединения «Кировец» (1962); впервые опубликовано в сб. «Избранное».

ОТТЕПЕЛЬ. Сохранилось в рукописи для литобъединения «Кировец»; впервые опубликовано: ВК (04.IV.71); «Сельская молодежь» (1971, № 9); сб. «Зеленые цветы».

СОЛОВЬИ. «Юность» (1971, № 8); впервые опубликовано в сокращении в сб. «Лирика»; полный вариант сохранился в подборке для литобъединения «Кировец»; опубликовано в сб. «Подорожники».

«МОИ ЧИННЫЙ ДВОР ЗАЖАТ В ЗАБОРЫ...». «Лит. Россия» (01.III.71); сохранилось в рукописи для литобъединения «Кировец».

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН. Представлено в сб. «Волны и скалы»; опубликовано: ВК (19.I.73) и сб. «Подорожники».

ХОРОШИЙ УЛОВ. Сб. «Последний пароход».

Я ТЕБЯ ЦЕЛОВАЛ... ВК (16.VI.71); «Москва» (1971, № 7); сб. «Подорожники».

ТЫ С КОРАБЛЕМ ПРОЩАЛАСЬ... ВК (22.XII.67); «Юность» (1968, № 3); сб. «Подорожники».

ПОВЕСТЬ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ. НС (1968, № 11); сб. «Сосен шум».

НАСЛЕДНИК РОЗЫ. КС (11.I.70); сб. «Сосен шум».

В ГОРОДЕ. КС (11.I.70); сб. «Подорожники».

НА ГУЛЯНИИ. ВК (20.I.74); сб. «Подорожники».

НА РЕКОЙ. ВК (29.I.69); сб. «Сосен шум».

«ТЫ ПРОСИЛ НАПИСАТЬ О ТОМ...». «Лит. Россия» (02.I.76); сб. «Подорожники».

ПЕРВОЕ СЛОВО. «Лит. Россия» (01.III.71); сб. «Подорожники».

НИЧЕГО НЕ СТАНУ ДЕЛАТЬ. СМ (1971, № 9); сб. «Подорожники».

ВЕНЕРА. ВК (31.VIII.69); НС (1971, № 6); сб. «Подорожники».

«МЕНЯ ЗВАЛА МОЯ ПРИРОДА...». ВК (16.VI.71); сб. «Подорожники».

«ОСЕНЬ! ЛЕТИТ ПО ДОРОГАМ...». ВК (16.VI.71); «Москва» (1971, № 7); сб. «Подорожники».

«БРАЛ ЧЕЛОВЕК ХОЛОДНЫЙ МЕРТВЫЙ КАМЕНЬ...». ВК (04.IV.71); НС (1971, № 6); сохранилось под названием «Поэту» в подборке для литобъединения «Кировец»; сб. «Последний пароход».

В ГОСТЯХ. Под названием «Поэт» впервые представлено в сб. «Волны и скалы»; позже «Москва» (1971, № 7) и сб. «Зеленые цветы».

ШУТКА («Мое слово верное...»). Сб. «Подорожники».

В ДОРОГЕ. «Лит. Россия» (01.III.71); «День поэзии» (М.: Сов. писатель, 1971); сб. «Подорожники».

ЧТО ВСПОМНЮ Я? «Север» (1971, № 6); сб. «Подорожники».

ПОСЛЕ ГРОЗЫ. ВК (04.IV.71); МГ (1971, № 6); сб. «Подорожники».

«Я ПЕРЕПИСЫВАТЬ НЕ СТАНУ...». ВК (04.IV.71); «День поэзии» (М.: Сов. писатель, 1972); сб. «Подорожники».

СКАЧЕТ ЛИ СВАДЬБА... ВК (04.IV.71); «Север» (1971, № 6); сб. «Подорожники».

ПО ВЕЧЕРАМ. Сб. «Подорожники».

ГОСТЬ. Сб. «Подорожники».

ДЕВОЧКА ИГРАЕТ. «Лит. Россия» (04.VII.71); сб. «Подорожники».

«ОГОРОДЫ РУССКИЕ...». Сб. «Подорожники».

НА ОЗЕРЕ. ВК (16.VI.71); «Москва» (1971, № 7); сб. «Подорожники».

ДАЛЕКОЕ. «День поэзии России» (М.: «Сов. Россия», 1972);
сб. «Подорожники».
ГРОЗА. ВК (16.VI.71); МГ (1971, № 6); сб. «Подорожники».
ДОРОЖНАЯ ЭЛЕГИЯ. «Юность» (1971, № 8); сб. «Подорож-
ники».

СЕНТЯБРЬ. НС (1971, № 6); сб. «Подорожники».

ОСЕННИЙ ЭТЮД. ВК (16.VI.71); сб. «Подорожники».

КОНЕЦ. Сб. «Подорожники».

ЗИМНИМ ВЕЧЕРКОМ. ВК (12.I.72); сб. «Подорожники».

НЕИЗВЕСТНЫЙ; УГРЮМОЕ. Сб. «Подорожники».

НОЧНОЕ. ВК (19.I.72); сб. «Подорожники».

«Я УМРУ В КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ...». ВК (19.I.72); сб.
«Стихотворения» (1977).

«СЕЛО СТОИТ НА ПРАВОМ БЕРЕГУ...». ВК (18.XI.73); сб.
«Подорожники».

«МЫ СВАЛИВАТЬ НЕ ВПРАВЕ...». ВК (20.I.74); сб. «Подорожники».

«Я ЛЮБЛЮ СУДЬБУ СВОЮ...». «Лит. Россия» (02.I.72); сб.
«Подорожники».

ЭЛЕГИЯ. «Москва» (1971, № 7); сб. «Подорожники».

Лирика Николая Рубцова с каждым годом вызывает все больший интерес читателей и критики. Обзоры поэзии за последние два десятилетия не обходятся без его имени, и значение его художественного опыта осознается все более глубоко. Тем не менее основательное изучение творческого наследия Николая Рубцова только начинается и, понятно, пробелы неизбежны. С публикацией новых материалов о поэте, с выявлением еще неизвестных его писем и т. д. появится возможность уточнить время и историю создания многих его произведений.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Оботуров. Огонь из слова 5

I

Видения на холме	19
Старый конь	20
«О чем шумят...»	21
Ось	22
«Загородил мою дорогу...»	—
Родная деревня	23
Мачты	—
На сенокосе	24
Хлеб	—
«Стихи из дома гонят нас...»	25
Тихая моя родина	26
Приезд Тютчева	27
Дуэль	—
О Пушкине	28
Фальшивая колода	—
«У сгнившей лесной избуш- ки...»	29
«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...»	—
Осенняя песня	31
Ночь на перевозе	—
Улетели листья	32
«Сапоги мои — скрип да скрип...»	—
«По мокрым скверам...»	33
Звезда полей	34
Философские стихи	—
Русский огонек	36
Памяти матери	37
Утро	38
Цветы	—
Жар-птица	39
В горнице	40
Прощальный костер	41
Журавли	—

В осеннем лесу	42
Вечернее происшествие	—
На вокзале	43
Осенние этюды	44
Кружусь ли я...	46
По дрова	47
Зимняя песня	48
Зимовье на хуторе	—
Грани	49
«В святой обители приро- ды...»	—
Медведь	50
«Ветер всхлипывал, словно дитя...»	—
«В полях сверкало. Близ- лась гроза...»	51
Над вечным покоем	—
Аленький цветок	52
Природа	53
Полночное пенье	—
Однажды	54
«Прекрасно небо голубое!...»	—
«Окошко. Стол. Половики...»	55
Промчалась твоя пора!	—
В минуты музыки	56
На родину!	57
Жара	—
«Уединившись за окном...»	58
Душа хранит	—
«А между прочим, осень на дворе...»	59
Нагрянули	—
«Седьмые сутки дождь не умолкает...»	60
На реке Сухоне	61
Острова свои обогреваем	62
«Наслаждаясь ветром рез- ким...»	—

Прощальная песня	63	До конца	93
Осенняя луна	64	Разбойник Ляля (Лесная сказка)	94
«Сибирь, как будто не Сибирь!..»	65	Поезд	99
Весна на берегу Бни	—	Воробей	100
В сибирской деревне	66	Слез не лей...	—
Шумят Катунь	67	Про зайца	—
Старая дорога	68	Подорожники	101
Январское	69	«По холодной осенней реке...»	—
Памяти Анциферова	70	Тот город зеленый... . .	102
Последняя почь	—	Вологодский пейзаж . . .	103
Синенький платочек	71	Последний пароход . . .	104
Идет процессия	—	Поэзия	105
В горной долине	72	Ночное ощущение	106
Детство	73	Песня	—
Сосен шум	74	Листья осенние	107
Гуляевская горка	75	У церковных берез	108
Взглянул на кустик	76	Вечерние стихи	—
Отплытие	—	Наступление ночи	111
По дороге из дома	77	Бессонница	—
Ночь на родине	—	Зимняя ночь	112
В старом парке	78	Далекое («Где вьюга полночным набегом...») . .	113
Купавы	79	Гололедица	—
В лесу	80	Выпал снег	114
Старик	81	Привет, Россия...	115
Экспромт («Я уплыву на пароходе...»)	82	Ива	—
Пальмы юга	—	Цветок и нива	116
Зеленые цветы	83	«Уже деревня вся в тени...» . .	—
Волнуется южное море	84	Ферантоново	117
Посвящение другу	—	Судьба	—
О Московском Кремле	85	«В жарком тумане дня...» . .	118
Прощальное («Печальная Вологда дремлет...») . . .	85	Стоит жара	119
Тост	87	Под ветвями больничных берез	120
Последняя осень	—	Расплата	—
По дороге к морю	—	Памятный случай	121
В пустыне	88	Свидание	122
На автотрассе	89	Зачем?	123
В избе	90	«О чем писать?...»	124
Ласточка	—	Тайна	—
Во время грозы	—		
В глуши	91		
У размытой дороги...	92		
На ночлеге	—		

II

Деревенские ночи	127
Первый снег	128
Воспоминание	—

Экспромт («Не подберу сейчас такого слова...»)	129	Наследник розы	156
«В твоих глазах...»	130	В городе	—
Березы	—	На гулянии	157
О собаках	131	Над рекой	—
Весна на море	132	«Ты просил написать о том...»	158
«Вредная, неверная, на- верно...»	—	Первое слово	159
Море	133	Ничего не стану делать	—
Возвращение	—	Венера	160
Утро на море	134	«Меня звала моя приро- да...»	—
В кочегарке	135	«Осень! Летит по доро- гам...»	161
«Помню, как тропкой...»	136	«Брал человек холодный мертвый камень...»	—
Левитан	—	В гостях	162
На перевозе	137	Шутка («Мое слово вер- ное...»)	163
Разлад	—	В дороге	164
«Я забыл, как лошадь запрягают...»	138	Что вспомню я?	—
Утро утраты	139	После грозы	165
Добрый Филя	140	«Я переписывать не ста- ну...»	166
Утро перед экзаменом	141	Скачет ли свадьба...	—
«Эх, коня да удаль ази- ата...»	142	По вечерам	167
В океане	143	Гость	—
Сто «нет!»	144	Девочка играет	168
Фиалки	—	«Огороды русские...»	169
«Я весь в мазуте, весь в тавате...»	145	На озере	—
«Старпомы ждут своих матросов...»	146	Далекое («Лети, мой от- чаянный парус!...»)	—
Элегия («Стукнул по кар- ману — не злится...»)	147	Гроза	170
Куда полетим?	148	Дорожная элегия	—
Ветер с Невы	—	Сентябрь	171
«Пора любви среди по- лей...»	—	Осенний этюд	—
Оттепель	149	Конец	172
Соловьи	150	Зимним вечерком	173
«Мой чинный двор зажат в заборы...»	151	Неизвестный	—
Сергей Есенин	152	Угрюмое	174
Хороший улов	153	Ночное	—
Я тебя целовал...	—	«Я умру в крещенские морозы...»	175
Ты с кораблем проща- лась...	154	«Село стоит на правом берегу...»	—
Повесть о первой любви	155	«Мы сваливать не впра- ве...»	176
		«Я люблю судьбу свою...» Элегия («Отложу свою скудную пишу...»)	177
		Комментарии	178

Рубцов Николай Михайлович

СТИХОТВОРЕНИЯ

Серия «Русский Север»

Редактор **Е. Ш. Галимова**

Художник **Р. С. Климов**

Художественный редактор **А. С. Мазурин**

Технический редактор **Н. Б. Буйновская**

Корректор **В. А. Фокина**

ИБ № 533

Сдано в набор 28.09.84 г. Подписано в печать 06.12.84 г. Форм.
бум. 84×108/32 (бум. тип. № 1). Гарнитура литературная. Высокая
печать. Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,08. Уч.-изд. л. 9,697.
Тираж 100 000 (2-й завод — 50 001—100 000). Заказ № 7982.

Цена 1 р. 30 к.— на коленкоре, 1 р. 20 к.— на бумвиниле

Северо-Западное книжное издательство, Вологодское отделение,
160000, Вологда, Урицкого, 2.

Областная типография, 160001, Вологда, Челюскинцев, 3.

